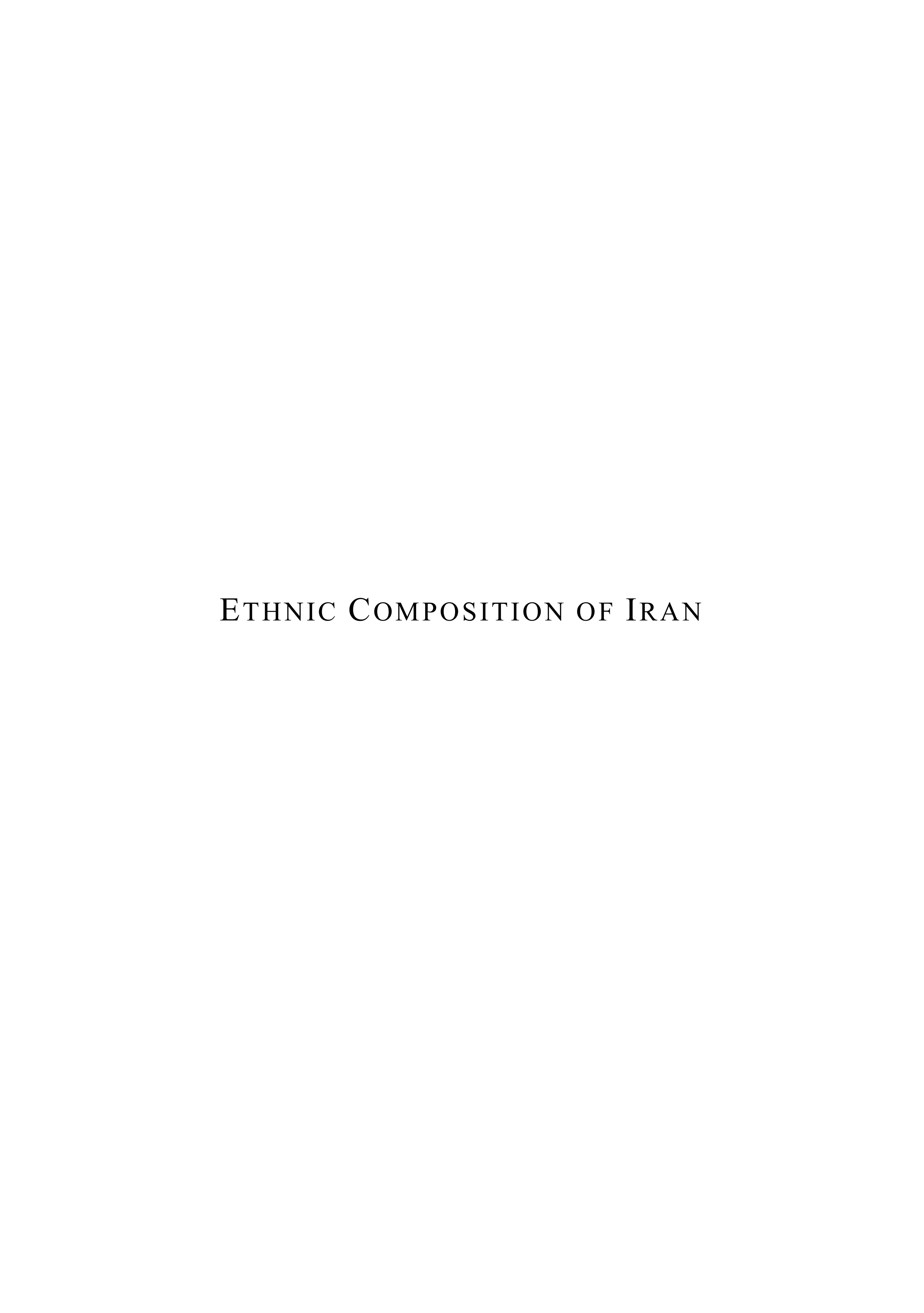

Ethnic Composition of Iran

YEREVAN SERIES FOR ORIENTAL STUDIES

Edited by
Garnik S. Asatrian

Vol. 2

Ереванский государственный университет
Кафедра иранистики

Гарник Асатрян

Этническая композиция Ирана:

От “Арийского простора” до Азербайджанского мифа

Кавказский центр иранистики
Ереван 2012

УДК 391/395

ББК 63.5

А 900

Утверждено к печати Ученым Советом Факультета востоковедения Ереванского государственного университета

А 900 Асатрян Г. С., “Этническая композиция Ирана: От ‘Арийского простора’ до Азербайджанского мифа”/ Г. Асатрян, ЕГУ Кафедра иранистики; Ответств. ред.: А. Г. Арешев, В. А. Аракелова. Ереван: «Кавказский центр иранистики» 2012, 130 сс.

В работе, в целом посвященной истории формирования народонаселения Ирана, рассматриваются проблемы, приобретшие сегодня – в силу определенных политических процессов – особую актуальность, а именно: тема “азербайджанского меньшинства” в Иране и его численности, вопросы тюркофонии, провоцирования сепаратистских настроений в этой стране и создания искусственных идентичностей, история формирования тюркоязычного этноса на юго-восточном Кавказе, вопросы, касающиеся курдов, белуджей, гуран, татов, населения Прикаспия, арабов и т.д. Затронут также ряд других сфер, относящихся к данной тематике, в том числе иранское восприятие этнодемографии и идеи государства, проблема валидности применения по отношению к современному Ирану таких общеизвестных терминов и определений как “многонацианальный”, “большинство”/ “меньшинство” и т.д.

Издание рассчитано на иранистов, историков, политологов, тюркологов и востоковедов широкого профиля.

УДК 391/395

ББК 63.5

ISBN 978-99930-69-71-3

Yerevan State University
Department of Iranian Studies

GARNIK ASATRIAN

ETHNIC COMPOSITION OF IRAN:
From the "Expanse of the Aryans" to the Myth of Azerbaijan

Caucasian Centre for Iranian Studies
Yerevan 2012

Предисловие

Данная работа – сокращенная русская версия заметок автора для семинаров по иранской этнологии на Факультете востоковедения Ереванского государственного университета. Она включает разделы курса по проблемам, приобретшим сегодня – в силу определенных политических процессов – особую актуальность, а именно: тема “азербайджанского меньшинства” в Иране и его численности, вопросы тюркофонии, провоцирования сепаратистских настроений в этой стране и создания искусственных идентичностей, история формирования тюркоязычного этноса на Южном Кавказе, проблемы, касающиеся курдов, белуджей, гуран, татов, арабов и т.д.

По ходу обсуждения основного круга вопросов затронут также ряд “эзотерических” сфер, касающихся данной тематики, в том числе иранское восприятие этнодемографии и идеи государства, проблема валидности применения по отношению к современному Ирану таких общеизвестных терминов и определений как “многонациональный”, “большинство”/ ”меньшинство” и т.д. Более того, как, надеюсь, мне удалось показать, даже денотаты некоторых устоявшихся этнонимов при ближайшем рассмотрении в иранском контексте оказываются не более чем иллюзорными понятиями, лишенными реальных очертаний.

Чтобы получить более или менее объективное представление об этнической композиции Ирана, надо проследить весь исторический путь формирования народонаселения этой страны с древнейших времен до сегодняшнего дня, с учетом всех сопутствующих факторов – антропологических, языковых, культурных, религиозных и т.д. Без комплексного сравнительно-исторического подхода к проблеме любые суждения об Иране в данном ключе не могут выходить за рамки профанной болтовни или попыток целенаправленного политического манипулирования.

Было время, когда об иранской этнологии писала только востоковедческая элита – Ф. Шпигель, Т. Нёльдеке, В. Гайгер, В. Томашек, В. Бартольд, Э. Херцфельд, В. Айлерс, И.М. Дьяконов, В. Хеннинг, В. И. Абаев, В.

А. Лившиц, М. А. Дандамаев, Х. Хумбах, М. Майрхофер, Э. А. Грантовский и др.; это было уделом корифеев, высшим пилотажем в исторической науке, требующим, кроме всего прочего, глубоких познаний в индоевропейской компаративистике, древних культурах и религиях, текстах на языках, давно покинувших историческую арену народов. Теперь же иранская этнология стала расхожим объектом письменных упражнений не только авторов из заинтересованных или ангажированных кругов, но и – что очень прискорбно – представителей академических сообществ, находящих поле привлекательным для самовыражения, но не имеющих необходимой подготовки.[1]

Вообще, хотелось бы отметить некоторые – возможно, не имеющие прямого отношения к теме этих заметок, но, тем не менее, достойные упоминания – тревожные тенденции, слабо соотносящиеся с подлинно научным знанием и академическими традициями. Так, “тюркомания” все больше и больше захлестывает околонаучный интеллектуальный бомонд России. Мало того, что скифы, сарматы и дигорцы – последние,

[1] Лишь один из относительно недавних примеров - опубликованная на сайте Iran.ru статья кандидата исторических наук сотрудника профильного института РАН в Москве, посвященная “национальным проблемам Ирана”. Не затрагивая вопроса о несуразных числовых показателях иранских “народов и народностей” в невесть откуда взятой таблице, а также рассуждений о “разделенных народах” и проч., отметим несколько показательных высказываний из этой публикации. Пытаясь “обосновать” стремление “азербайджанцев” к сепаратизму, автор пишет, например, что “азербайджанские турки (даже не *тюрки*, а именно *турки!* – Г.А.)*”,* якобы, “отличаются сильным чувством национальной идентичности” и что они “боролись против центральной власти при Каджарах, в период Конституции”. Речь идет, надо полагать, о Конституционной революции в Иране в начала XX века. И если это так, то “боролись” против “центральной власти” и бахтияры, и армяне, и вообще весь иранский народ. В числе революционеров было, конечно, и много выходцев из северо-западных провинций – это же была революция за конституционные права, а не сепаратистское движение, в котором выражалось бы “сильное чувство национальной идентичности”! Далее, пишет автор, в Иране “выпускается масса журналов на азербайджанском, и на нем напечатано более 11000 книг”. Откуда такие цифры? 11000 наименований книг на “азербайджанском” могло быть выпущено разве что в Баку за весь период существования Аз. ССР. Или вот еще “перл”, не нуждающийся в комментариях: “Среди курдов также имеются и евреи, и христиане”...

неотъемлемая часть осетин - объявляются тюрками... Вот уже через евразийскую теорию постепенно подкрадываются и к грани провозглашения идеи о тюркской природе самого русского народа. Уверен, недалёк тот день, когда она будет озвучена. Причем, что интересно, собственно тюркские авторы – узбеки, киргизы, туркмены и проч. – вообще не причастны к этой вакханалии дилетантизма и пошлости. Можно не сомневаться, что надвигающаяся мифологема о "тюркскости" русских станет еще одним знаковым элементом общей системы когнитивных понятий и клише, составляющих "рабочий" инструментарий широкомасштабной программы по разрыхлению Русской Идеи, стоящей на пути геостратегических целей Запада по отношению к России.

В целом безобидные стереотипы подобно "Потри русского – найдешь татарина", возникшие не вчера и претендующие не более чем на фольклорность, – безусловно, результат исторического развития Руси, России, идее государственности которой всегда были чужды абсурдные понятия чистоты – этнической ли, культурной ли. Синкретизм русской культуры и русского сознания как раз выступает важным маркером русской идентичности. Дело тут совсем в другом. Русская Идея, будучи явлением сложным, многоплановым, часто передергивается концепциями прямо противоположными – от некоей тоски по доордынской Руси до откровенного тюркизма. И если первое – явление сугубо культурологического порядка, следствие, я бы сказал, некоего духовного поиска "Начала" (именно поэтому о нем часто говорят в контексте духовном – например, анализируя древние иконы, древнерусскую церковную архитектуру и т.д.), то второе – напористо-агрессивное, напирающее, подобно самой степной стихии в древности, на Русскую Идею, как если бы последняя претендовала на некую абсолютную чистоту в своей русскости! В этом плане так и напрашивается параллель (очень уместная для этой работы) между паниранизмом – сугубо культурным явлением, обращающим мыслящего иранца к своим глубинным, доисламским корням, и пантюркизмом, действующим крайне воинственно, исключительно с политическими целями. Так что тенденция "тюркизации" Русской Идеи – не случайная типологическая параллель со все усиливаю-

щимися претензиями на тюркское происхождение многих иранских этносов, в том числе и ныне исчезнувших. Такое явление как скифщина становится объектом тюркизации отнюдь не случайно – она ведь уже неотделима от Русской Идеи, пусть лишь и на эмоциональном уровне – “Да, скифы - мы...”...

Но вернемся к нашей теме. Откуда взялось, например, 30-миллионное (возможны варианты – 20-, 18-, 13-миллионное) “азербайджанское меньшинство” в Иране. И какое отношение оно имеет к народу закавказской республики, если последняя была создана и названа Азербайджаном совсем недавно? (Не исключено, что среди кавказских долгожителей еще можно найти очевидцев этого события.) Разве близость разговорной речи части населения одной страны к официальному языку сопредельного государства – признак этнического и культурно-генетического единства “разделенного народа”? И, наконец, из кого состоит “персидское большинство”, противопоставляемое “азербайджанскому” и прочим “меньшинствам”, если в Иране нет ни одного человека, причисляющего себя к этому призрачному “большинству”? Многие ложные пропагандистские клише, исподволь внедряемые в сознание людей, – технологические детали общего плана по осуществлению “Азербайджанского проекта”, разработанного далеко за пределами региона и преследующего цель фрагментации Ирана и исторически необоснованного передела границ во всем Переднеазиатском пространстве.

Эти и многие другие вопросы, относящиеся также к курдам, белуджам, гуранам, арабам, обитателям Прикаспия могут быть объективно освещены не путем волюнтаристского деления населения Ирана на “этносы” и “народы”, на “большинство” и “меньшинства”, а лишь посредством всестороннего диахронического обзора этнодемографических реалий.

Настоящий труд, затрагивающий наиболее актуальные вопросы иранской этнологии, – попытка именно подобного комплексного взгляда на предмет. В этом смысле, я полагаю, он может быть полезен и в плане разработки методологических основ для исследования народонаселения Ирана и региона в целом.

Политическая нагрузка рассмотренных в работе проблем обусловила, естественно, некоторую вольность стиля ее изложения, свойственную, скорее, сочинениям публицистического характера. Это одновременно побудило автора, оставаясь в рамках академического анализа, существенно сократить и пространный научный аппарат, сохранив лишь – за исключением необходимых случаев – ссылки на новейшую литературу вопроса.

Идея обобщения материалов моих заметок в виде отдельной публикации принадлежит Андрею Арешеву; ему и Виктории Аракеловой я признателен за чтение рукописи и ценные замечания. Я благодарен также сотрудникам Кафедры иранистики ЕГУ и Кавказского центра иранистики в Ереване, прежде всего Вардану Восканяну, Роману Смбатяну, Самвелу Маркаряну, Левону Епископосяну, Гагику Саркисяну, Кристине Григорян, Арпине Арушанян и моему другу Маттиасу Вайнрайху, принимавшим участие в обсуждении рукописи и подготовке ее к печати. Отдельно хочу отметить важную роль Центра общественных связей и информации при президенте Республики Армения в организации издания этой книги.

Г. А.

Карби, 25 июля 2012 г.

I. Предыстория

1. Современный Иран охватывает западную окраину *Арьянам-вайджа*, т.е. “Арийского простора”, говоря словами Авесты, или Эраншахра, если употребить более поздний термин Сасанидской эпохи.[2] Восточная часть этого “простора” включала почти всю территорию нынешней Средней Азии и Афганистана вплоть до Индии. Разделительной линией между востоком и западом иранского мира служила пустынная полоса Дашт-и-Кавир и Дашт-и-Лут, простирающаяся от Каспийских ворот вблизи Семнана на севере до Белуджистана на юге.

Со времен проникновения ариев на Иранское плато, в Афганистан и Среднюю Азию (с первой половины второго тысячелетия до н. э. – см. ниже, §§ 3-4) и последующей иранизации этого обширного ареала и до этнодемографических изменений, связанных в основном с тюркской экспансией и распространением ислама, почти все это пространство в разное время населяли народы, говорившие преимущественно на иранских языках: на западе – персы, мидийцы и парфяне, а на востоке – народ Авесты, бактрийцы, согдийцы, маргианцы, хорезмийцы, арахосийцы и различные группы саков. На языках большинства из этих наро-

[2] Понятие “арийский простор”, или “арийское пространство” (**aryānām waiǰa-*), существовало, видимо, еще в древнеиранский период и обозначало арийские земли, или территории, населенные арийскими племенами. Во всяком случае, оно встречается в древнейшем памятнике на иранском языке, Авесте (в форме *airiianəm vaēǰah;* в среднеперсидском – *Ērān-vēž*). В Сасанидское время для этого же понятия существовал термин *Ērān-šahr,* восходящий к древнеиранскому **aryānām xšaϑram,* (т.е. “царство (или страна) ариев”), хотя и последнее не имеет текстовых свидетельств более раннего времени (см. подробно E. Benveniste, “L’Ērān-vēž et l’origine légendaire des Iraniens”, *BSOS,* vol. VII/2, pp. 265-274; A. Christensen, *Le premier chapitre du Vendidad et l’histoire primitive des tribus iraniennes*, København, 1943, pp. 72-74). История возникновения и развития идеи Ирана в ее политическом, культурном и пространственно-временном измерениях подробно рассматривается в работе недавно ушедшего из жизни итальянского ираниста профессора Герардо Ньоли (см. Gherardo Gnoli, *The Idea of Iran: An Essay on its Origin,* Roma, 1989).

дов сохранились письменные свидетельства. Иранцами были, возможно, и эфталиты — загадочный народ, даже создавший государство в позднесасанидский период на территории современного Афганистана и в северо-западной Индии.

Картина резко меняется лишь в конце первого–начале второго тысячелетия н.э., когда в результате качественного накопления тюркского элемента в Средней Азии на базе иранского этнического субстрата возникают народности-носители тюркских диалектов, потомками которых являются, например, узбеки, киргизы, туркмены и проч. Ираноязычная же среда восточноиранских земель значительно сокращается. Сегодня она представлена, главным образом, таджиками и афганцами. Обычно в состав таджиков включают и горские народности Памира (таджики называют их *γalča* – "горцы"), а под афганцами понимают не только пуштунов, но и всех персоязычных обитателей Афганистана, в том числе и монголоидную группу хазарейцев, которые, в отличие от большинства афганцев-суннитов, исповедуют шиизм. Жители Памира – также шииты, но исмаиилитского толка. В целом же, все население Центральной Азии, включая таджиков, – сунниты. Часть памирских народностей отмечена и в Афганистане, где также проживают малочисленные ираноязычные группы – ормури (в Барак-и-барак в Логарском районе и в Канигураме в южном Вазиристане) и парачи (к северо-востоку от Кабула). Этническая карта Афганистана включает, помимо того, узбеков, туркмен, белуджей и малочисленные народности, живущие в Нуристане на северо-востоке страны и говорящие на кафирских и дардских языках.

Западный край "Арийского простора", иначе – западный Иран, в целом совпадающий с территорией нынешней Исламской Республики Иран, в этноязыковом плане был более монолитным: здесь всегда превалировала единая западноиранская стихия в двух своих проявлениях – северо-западной, "мидийской" (позже парфянской), и юго-западной, "персидской" (Persic). В настоящее время подавляющее большинство населения Ирана является прямым продолжением именно этой стихии. Все локальные группы, охватывающие от нескольких деревень до целых

провинций, происходят, в конечном счете, либо от северо-западного иранского этнического массива, либо - от юго-западного. Почти до IX века н.э. эти массивы все еще пребывали в цельном, хотя и изрядно смешанном состоянии. Во всяком случае, нет достоверных данных о наличии до указанного периода более мелких ответвлений этого конгломерата. Такую мозаику местных культур, которую мы наблюдаем в настоящее время в Иране, невозможно обнаружить в дошедших до нас среднеперсидских, парфянских и раннемусульманских (арабских или персидских) источниках. Нет сведений ни о курдах, ни о белуджах, ни - тем более - о семнанцах, гуранах, сивандцах, кашанцах и проч. Правда, засвидетельствовано несколько терминов, указывающих на определенную общность людей, типа *рачик* (поздняя форма *рази*), *сакчик* (поздн. *сагзи*), *атрпатич* (засвидетельствовано в классических армянских текстах) и т.д., которые, однако, обозначают понятие "житель какой-либо местности", в указанных случаях – Раги (Рея), Сакастана (Систана) и Атурпатакана (Азербайджана). (Ср. также *фромчик* в согдийском, означающее "житель Рима, римлянин".) В труде арабского средневекового географа Ал-Истахри *Масалик ал-мамалик* упоминается и племя *мануҗ(ан),* жившее в Кермане. В этом же районе до сих пор сохранилось название местности *Мануджан*, население которой говорит на особой разновидности керманского персидского.

Усматривать в этих терминах этническую коннотацию, конечно же, не следует. Таким же образом и термин *курд* в среднеперсидских текстах, как мне удалось показать,[3] обозначает, скорее всего, социальную принадлежность ("скотовод, кочевник"), а отнюдь не этническую аффилиацию. Причем, подобное значение слова *курд* сохранялось довольно долго – вплоть до XII века, что четко отражено в сочинениях арабоязычных географов. Более того, в прикаспийских диалектах оно и по сей день

[3] См. Garnik Asatrian, "Die Ethnogenese der Kurden und frühe kurdisch-armenische Kontakte", *Iran and the Caucasus*, vol. 5, Brill Academic Publishers, 2001, pp. 41-75; более подробно см.: G. Asatrian, "Prolegomena to the Study of the Kurds", *Iran and the Caucasus*, vol. 13.1 (2009), pp. 1-58.

употребляется в значении “пастух мелкого скота” (в противовес к термину *галеш*, обозначающему пастуха коров[4]).

Возведение названия племени *белудж* (*балуч*) к *акауфачийа* древнеперсидских надписей – типичный образец народной этимологии. В арабской географической литературе в форме *балус* оно однозначно указывало на племенную принадлежность. Такую же семантическую нагрузку это название несет и в “Шахнаме” Фирдауси (в сочетание *kūč-u-balūč*). Более раннее свидетельство термина *балуч* в среднеперсидском трактате *Шахристанихаи Эраншахр* на основе чтения Йозефа Маркварта в форме *balōčān* (мн. число) весьма сомнительно.

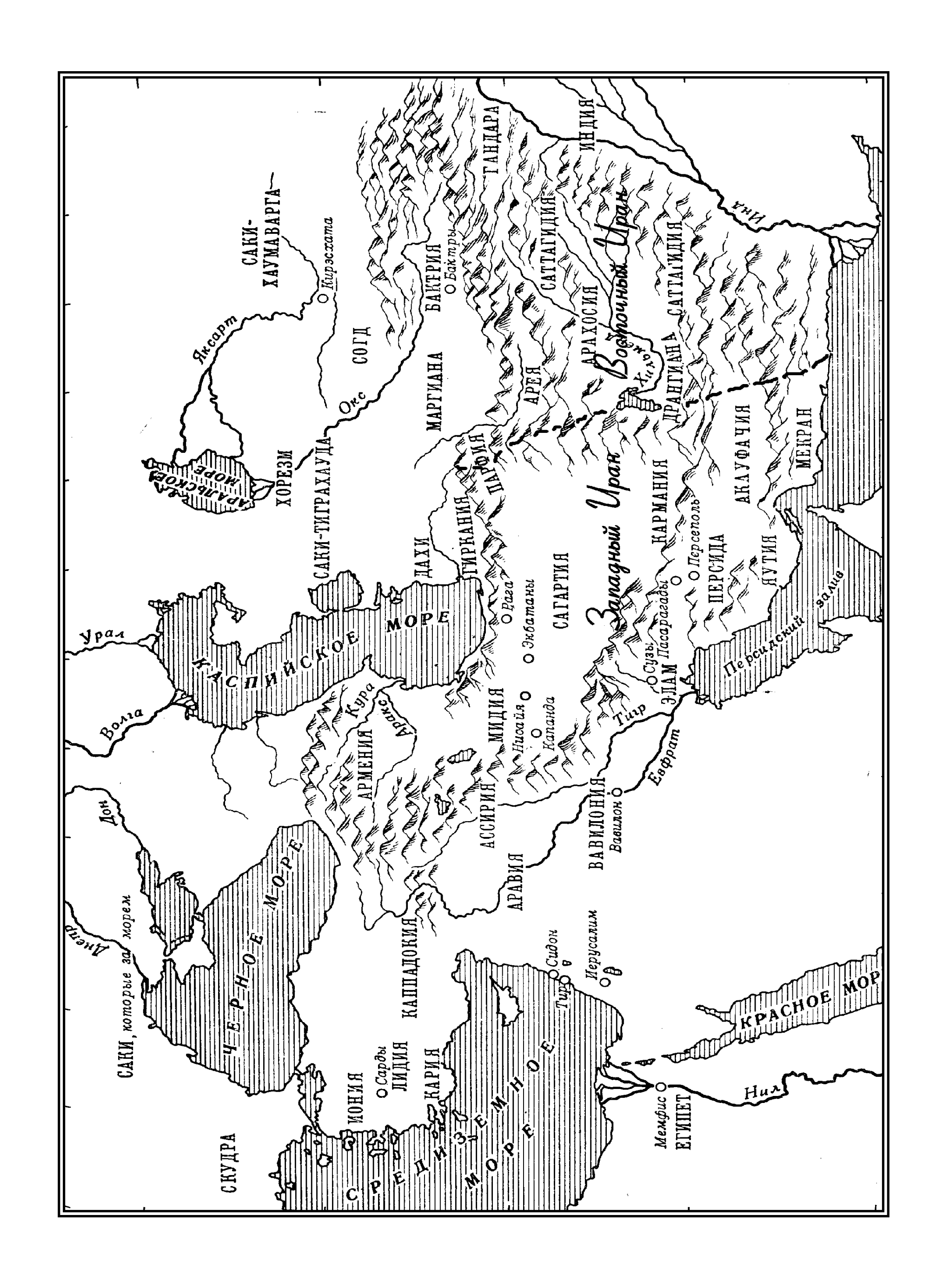
Сходное значение имеет и *куфич* (араб. *кубис/куфис*) – название еще одного племени, упоминаемого вместе с белуджами. *Куфич* означает “горец” (от среднеперсидского *kōfēč*). Куфичи, похоже, как раз и являлись потомками *акауфачийа,* которые, вероятно, были дравидами по происхождению.

Термин *лур* (мн.ч. *алвар*), встречающийся в арабских источниках, – также племенное обозначение, а отнюдь не название этноса. Оно*,* как указывал В.Ф. Минорский,[5] восходит к названию города *Ал-Лур* на севере Хузистана, упоминаемого арабскими географами. Ал-Лур, по мнению того же автора, является реминисценцией названия столицы Синда, *Рор* (араб. *Ал-Рур*), откуда пошло обозначение цыган в персидской классической литературе, *лули.* Ал-Лур находился, по-видимому, у современного города Андимешк.

---

[4] Обозначение *галеш* стало в настоящее время и социо-этнонимом - так называется субэтническая группа гилянцев, живущих в горной местности, говорящих на особом диалекте гилянского и занимающихся преимущественно скотоводством (см. диссертационную работу уроженца Гиляна Бехруза Келари-Рудбараки, подготовленную на Кафедре иранистики ЕГУ, *Этно-лингвистическое исследование галешей*, Ереван, 2012).

[5] V. Minorsky, “Les tsiganes lūlī et les lurs persans”, *JA*, 1931, pp. 281-305.

Airiianəm vaēǰah – "Арийский простор"

Все это, разумеется, не означает, что в указанном западноиранском языковом континууме не было очагов диалектных образований. Возможно, в позднеаршакидский период (первые века н.э.), но никак не ранее, уже были сформированы те ареалы, которые впоследствии породили столь пеструю диалектную картину в западноиранском. К тому времени наверняка существовали протодиалекты, легшие позднее в основу курдских, центральноиранских, семнанских, белуджских и других родственных наречий. Но тогда это были лишь слегка ощутимые разновидности единого языкового простора и не более.[6] А о сколь-нибудь выраженной этничности, т.е. уже оформленных общностях с этнической самоидентификацией, в пределах этого пространства и вовсе говорить не приходится.

2. Некоторое исключение составляет, пожалуй, южнокаспийский регион, где до прихода ариев, т.е. до лингвистической иранизации края, жили автохтонные народности кадусиев, гелов, тапиров, делимайев, каспов, мардов (амардов) – предков талышей, гилянцев, мазандаранцев (табари) и древних дейламитов. К доиранским племенным группам при-

---

[6] Современное состояние иранистики позволяет обрисовать приблизительные контуры того географического ареала, где формировались, например, западноиранские протодиалекты, в дальнейшем давшие жизнь персидскому, курдскому и белуджскому. Интересно, что зона системного сложения этих трех диалектов локализуется в центральном Иране. Причем, по реконструкции, предложенной Д.Н. Маккензи на основе фонетических изоглосс (см. D.N. Mackenzie, "The Origins of Kurdish", *TPhS* 1961, pp. 68-86), носители персидского протодиалекта занимали нынешнюю провинцию Фарс, говорящие на курдском протодиалекте, располагались севернее или северо-восточнее Фарса, а носители белуджского протодиалекта – на юго-востоке этой же области. Впоследствии мне удалось подкрепить гипотезу Д.Н. Маккензи рядом новых изоглосс (см. G.S. Asatrian, "Die Ethnogenese der Kurden und frühe kurdisch-armenische Kontakte...", pp. 47-48). Предложенная американским востоковедом Гернотом Виндфуром локализация персидско-курдско-белуджского языкового треугольника на северо-востоке Ирана, в Хорасане (см. G. Windfuhr, "Isoglosses: A Sketch on Persians and Parthians, Kurds and Medes", *Acta Iranica – 5*, Leiden, 1975, pp. 457-472), не имеет достаточной доказательной силы и, в частности, не подкреплена историческими фактами.

каспийской полосы принадлежали и *лахи* (lāh), этноним которых – уже в иранизированной форме *лахидж* (lāhīǰ), с суффиксом *-īǰ* из раннесреднеиранского *-ē/īč*, образующим этнические обозначения – засвидетельствовано в названиях города Лахиджан (Lāhīǰān) в южном Гиляне и населенного пункта Лахидж в Арране. Армянская историография (Ананиа Ширакаци) упоминает страну лахов/лахиджей (Ałahēč-k‘) в районе нынешнего Кашатага (Лачина) в Нагорно-Карабахской Республике.

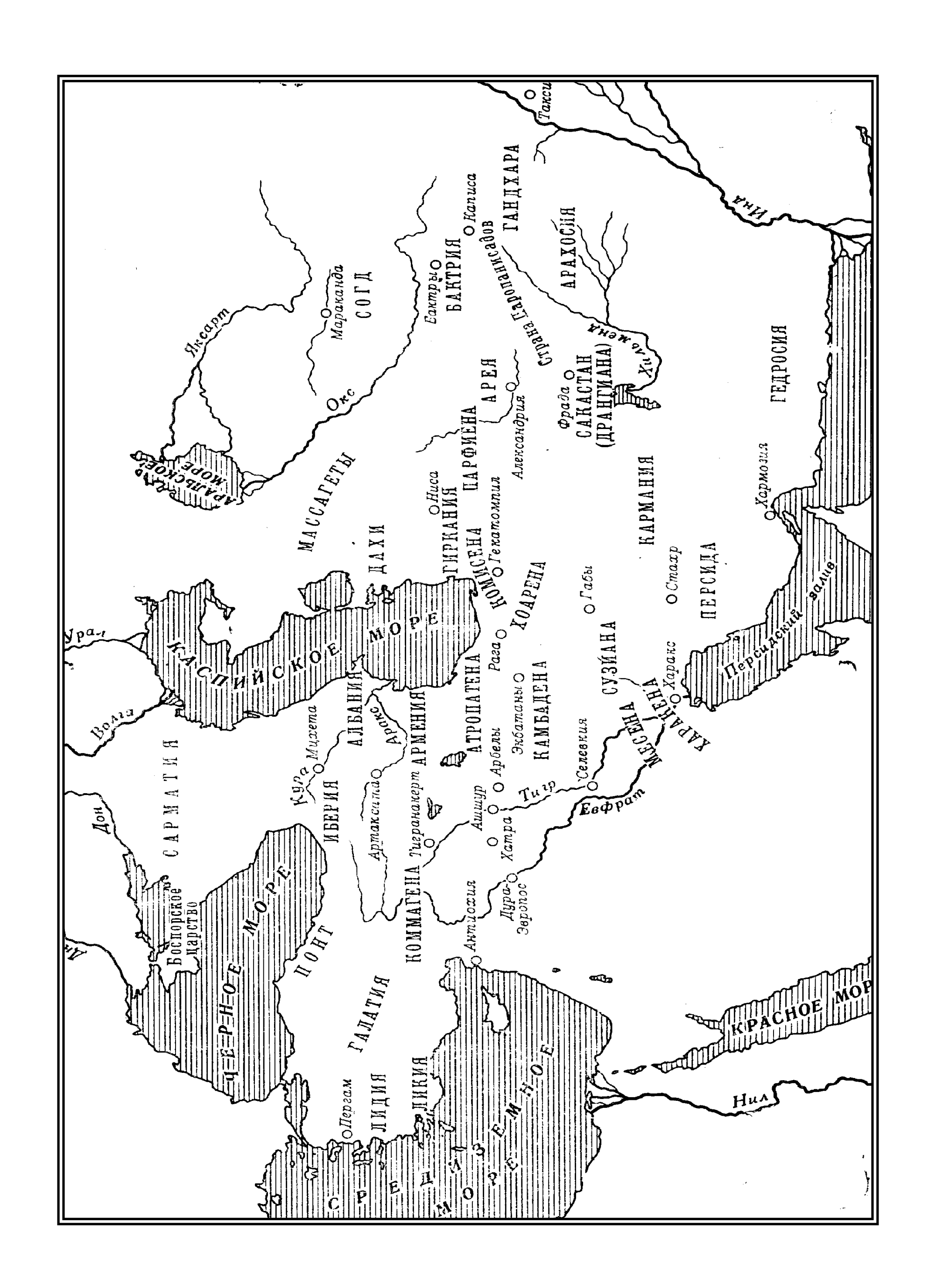
В силу, возможно, специфики ландшафта, особенностей племенной организации, своеобразного уклада жизни и быта, этнические характеристики населения данного ареала сохранились, по-видимому, и после перенятия им иранской речи. То же самое можно сказать, кстати, и о культурном своеобразии этого края, отмеченного особым архаизмом. Даже ислам пришел сюда позднее остальных частей Ирана. Во всяком случае, до X века здесь еще оставались, видимо, последователи древних культов. А сложившаяся недогматическая среда приютила в южном Прикаспии в свое время и зайдитов, и многих других сектантов, отошедших от мусульманской ортодоксии. Огромная пассионарная энергия, скопившаяся в южнокаспийском пространстве, породила дейламитскую династию Буидов, которые уже в середине X века – фактически, чуть более чем через два века после завоевания Ирана арабами – взяли реванш, захватив Багдад и установив свою власть в центре Халифата. Мусафириды в Азербайджане (Атурпатакане) также были из дейламитов. В тот же период волны миграции из региона, а из Дейлама (высокогорной области Гиляна) в особенности, наводнили Переднюю Азию. Дейламиты служили как наемное войско во многих армиях мусульманского мира. Следы дейламитов видны и в топонимии, и в демографии региона. Так, например, народ заза (самоназвание *дымли*), обитающий сегодня в Анатолии, наверняка является древним осколком прикаспийского этноизвержения. Яркой иллюстрацией пассионарности обитателей южного Прикаспия может служить также история талышей, изобилующая примерами ратных свершений, создания государственных образований, сопровождавшихся серьезным накалом борьбы и страстей.

Определенная обособленность прикаспийцев в западном Иране проявилась и в попытках создания собственной литературной традиции. Показательно, что первые переводы Корана осуществлялись, наряду с персидским, и на табари, язык табаристанцев, на котором и ныне говорят в Мазандаране. Среди новоиранских диалектов табари – фактически второй после персидского, имеющий раннюю литературную фиксацию. Достаточно сказать, что на курдском, афганском и белуджском первые литературные образцы появились лишь в XVI-XVII веках.

Тем не менее, несмотря на определенную самобытность прикаспийского населения, оно всегда являлось неотъемлемой частью западноиранского единства и никогда не проявляло себя вне его пределов. Весьма симптоматично, что так называемый "персидский ренессанс" в западном Иране, проявившийся в резком скачке науки и культуры в IX-X веках, был обусловлен именно политикой дейламитов-Буидов. (Тот же феномен в восточном Иране связывается с именем Саманидов.)

3. По антропологическим параметрам (форма головы, генетические особенности, волосяной покров, разрез глаз и т.д.) подавляющее большинство жителей Ирана – за исключением незначительного числа монголоидов (туркмены и хазарейцы) и нескольких тысяч негроидов (в прибрежных районах Персидского залива) – принадлежит к кавказоидной расе, в частности, к ее альпийской (или круглоголовой) разновидности, хотя засвидетельствованы и представители двух других подтипов той же расы – северного и средиземноморского. При этом, обе формы альпийского типа – арменоидная и ираноидная – равным образом представлены в различных частях Ирана с превалированием первой на северо-западе и в прикаспийской полосе.

Не считая указанных монголоидных и негроидных групп, появившихся в Иране в результате побочных или более поздних демографических процессов, антропологические характеристики древних обитателей Иранского плато до их лингвистической иранизации были, судя по всему, те же, что и сейчас. Фактически, внешний облик населения

Иран при Аршакидах – на рубеже новой эры

Ирана в течение последних тысячелетий не претерпел существенных трансформаций – даже после нашествий тюрко-монголов и их доминирования в различных частях страны на протяжении нескольких веков. В любом случае, наличие четко выраженного эпикантуса – главного признака принадлежности к монголоидной расе – отмечено в Иране только у туркмен и, в некоторой степени, у хазарейцев.

Отдельные изменения прослеживаются лишь в антропологических особенностях белуджей, которые обусловлены интенсивными контактами с брахуи и негроидными группами приморской полосы Персидского залива. Можно упомянуть и другие примеры: так, у представителей огузских племен айналлу и авшар – чуть заметная раскосость глаз. А у кашкайцев в Фарсе, имеющих, несомненно, тюркские корни, монголоидные черты выражены очень слабо.

Но все это – частные случаи, не являющиеся результатом ранних демографических перемещений и взаимовлияний. В целом они не меняют общей картины.

В связи с изложенным возникает вопрос: каково же тогда влияние индоевропейцев-иранцев (или ариев) на формирование внешнего облика населения Ирана и, вообще, к какой расе принадлежали они сами?

Точно датировать освоение ариями Ирана, разумеется, невозможно. Однако, на основе данных археологии и языковых свидетельств, можно с уверенностью утверждать, что это событие произошло в результате нескольких волн миграции, начиная, вероятно, с первой половины второго тысячелетия до н.э.

На заре первых походов ариев в регион – не будем сейчас касаться вопроса путей их проникновения сюда – здесь обитали народы со своеобразной культурой, некоторые из которых достигли серьезного прогресса. Это, прежде всего, - эламцы, имевшие письменность и тысячелетнюю традицию государственности. Наряду с упомянутыми выше при-

каспийскими автохтонами, на предгорьях Загроса жили лулубеи,[7] гути (или кути), касситы, в Хузистане – хузи, а в северной Месопотамии – хурриты, кардухи, кирти (или кюрти),[8] гураны (см. ниже, Гл. VI, 3) и т.д. Народы эти не были индоевропейскими. Язык эламцев, дошедший до нас во внушительном корпусе клинописных текстов, включающих также документы ахеменидской канцелярии, не поддается определенной идентификации. Как и хуррито-урартский, он не имеет явных родственников. Попытки постулирования генетической связи между эламским и дравидийскими языками до сих пор не увенчались успехом.[9] Дравидами были, видимо, обитатели Мака (Макрана), современного Белуджистана (народ *мачийа*), потомками которых являются брахуи. Значительный пласт ранних иранских (белуджских) лексем в языке брахуи – единственно сохранившегося реликта дравидийского населения Кермана и Белуджистана – указывает на интенсивность ирано-дравидийских контактов в указанном регионе.

Языки остальных древних народов Иранского плато, не имеющие письменной фиксации, кроме отдельных имен, засвидетельствованных в письменных памятниках на других языках, также остаются неидентифицированными в плане генетической аффилиации. Они были либо

[7] Проведение генетической линии – исходя из созвучия этнонимов – между современными лурами и древними лулубеями можно смело отнести к разряду ныне устаревших теорий.

[8] Довольно распространенная в старом востоковедении, а в настоящее время в любительских кругах, теория о том, что кардухи являлись, якобы, предками курдов была обоснованно отвергнута Теодором Нёльдеке еще в конце XIX века (см. Th. Nöldeke, "Kardū und Kurden", *Festschrift für H. Kiepert*, Berlin, 1898, pp. 77-81). Что же касается *кюртиев,* то и они, как мною было показано недавно (см. G.S. Asatrian, "Prolegomena to the Study of the Kurds", pp. 22-30), судя по всему, не имеют отношения к курдам, хотя их этноним, возможно, лежит в основе племенного названия *курд,* как результат вторичной референции (см. ниже, Гл. VI, 3). В целом, о проблеме арийского освоения Ирана см. фундаментальную работу И.М Дьяконова, "Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса)", *История иранского государства и культуры,* Москва, 1971, сс. 122-153.

[9] В равной мере и вероятность родственных связей между хуррито-урартским и северокавказскими языками большинством исследователей воспринимается довольно скептически.

изолированными языками, либо находились в родстве с хуррито-урартским или эламским.

Важной частью ирано-месопотамской этнической мозаики были и арамейцы-семиты, сыгравшие большую роль в трансмиссии Знания на Ближнем Востоке. Арамейский (называемый также имперско-арамейским) был основным языком делопроизводства в Ахеменидской империи, а в дальнейшем его более поздняя разновидность – сирийский – стала одним из главных языков религиозной словесности восточного христианства.

4. Обычно распространение языков мыслится как полная смена – в силу определенных исторических обстоятельств – некоей этнической среды. Предполагается, что носители прежнего языка (языков) уничтожаются либо перемещаются в другое место, а в лучшем случае ассимилируются в пришлом элементе, теряя свой язык и этнические характеристики. На самом же деле распространение языковых семей, в том числе индоевропейской, в древности происходило в целом мирным путем и совсем по другой схеме. Во-первых, тотальное истребление местного населения с целью "расчищения" нового жизненного пространства (*Lebensraum*) было совершенно нехарактерно для древних обществ. Депортация и изгнание народов также редко имели место. Все это – реалии, скорее, нового времени. Применительно же к древности даже частичная замена населения не может быть постулирована без серьезного на то обоснования.

Процесс изменения языкового ландшафта в древности проходил примерно следующим образом. Переселенцы (мигранты) устраивались на периферии какой-либо этнокультурной общности и, в силу военного, экономического или иного превосходства (употреблением, например, молочных продуктов или более богатой полезными веществами иного вида пищи и т.д.) – как правило, через смешанные браки и завоевание элитных позиций – постепенно приобретали доминирующее положение в обществе. Их язык, будучи уже языком элиты, становился

престижным и распространялся на всю территорию обитания "субстратного" этноса, включая районы, прямо не соприкасающиеся с мигрантами. Далее, после нескольких веков двуязычия язык пришлого элемента в итоге обязательно побеждал. При этом, сами пришельцы бесследно растворялись в местном населении, ибо в сравнении с последним они составляли ничтожное меньшинство. По сути, полной демографической замены никогда не происходило; в древности исконное население всегда оставалось главной доминантой при изменении языковой панорамы местности. По-видимому, аналогичным образом обстояло дело и с иранизацией Иранского плато. К тому же, индоевропейские протозападноиранцы, как и коренные жители региона, и сами принадлежали к европеоидной расе. Впрочем, это и вовсе неважно: пришлых ариев было настолько мало по сравнению с автохтонами Иранского плато, что общая антропологическая картина уже ставшей ираноязычной коренной популяции в любом случае не изменилась бы.

Пришлые индоевропейцы–иранцы, как и их другая ветвь, заселившая Индию, имели общее самоназвание – *арья (arya-),* которое обильно представлено в древнейших текстах на иранских и индийских языках, в названиях иранских племен (например, *аллон,* автоним осетин в нартовском эпосе), в собственных именах (ставших в последние десятилетия объектами фундаментальных исследований И. Гершевича, М. Майрхофера, Р. Шмитта и В. А. Лившица), в топонимии и т. д. Наиболее известные образцы топонимических образований с *арья* – это *Арьянамвайджа* (см. выше, § 1 и примеч. 2), название страны "Иран" (из **aryānām*, род. падеж мн. числа от *arya-,* т.е. "(страна) ариев" – сокращенная форма *Эран-шахр*-а, с отпадением *шахр* "страна" – см. выше, примеч. 2) и *Арьяварта* (*Āryāvarta-*) ("страна ариев" – северная Индия или ее часть в междуречье Джамны и Ганга). Из современных иранских топонимов, содержащих *арья,* можно упомянуть *Harzand,* название маленького селения близ Маранда в провинции Восточный Азербайджан, которое, как я полагаю, восходит к древнеиранскому **arya-zantu-,* т.е. "(местность, населенная) арийским племенем" (см. ниже, Гл. III, 4).

“Арийская общность”, как историческая реальность на определенной территории, некогда, безусловно, существовала. (Местонахождение прародины ариев – особый вопрос, требующий подробного рассмотрения, к тому же, прямо не касающийся нашей темы.) То есть, действительно был некий говоривший на арийском (индоиранском) праязыке народ (скорее, большая конфедерация скотоводческих кочевых племен), который разделился на две части – протоиранцев, заселивших впоследствии Иран, и протоиндийцев, покоривших Индию. Этим и заканчивается история ариев (индоиранцев) – они полностью изменили культурно-языковую картину огромного региона, а сами растворились в местном населении и навсегда покинули арену истории. Правда, они оставили в наследство, помимо языка, элементы своей культуры, мировоззрения, мифологии, религии, социальной структуры и этических норм, которые нашли яркое отражение и органичное развитие в сложившейся в последующие века и тысячелетия величайшей индо-иранской цивилизации. Однако, это другая история – история вновь появившихся в ходе бурных процессов этнообразования народов, которые говорили на арийских языках, исповедовали арийские религии, называли себя ариями и даже гордились этим, но, по сути, это уже были не арии в полном смысле этого слова, а продолжение – в “арийском” обличии – этногенетической фактуры исконных обитателей территорий, завоеванных (или освоенных) ариями.

Это утверждение верно и по отношению почти ко всем народам, ныне говорящим на индоевропейских языках. Например, армяне – носители индоевропейского языка – генетически прямые потомки древнейшего населения Армянского нагорья, хурритов и урартов, с некоторой, пожалуй, анатолийской, балканской и иранской (возможно, парфянской) примесью. Армяне, фактически, — индоевропейцы только по языку.

Название *арья* (иранское *arya-*, индийское *ārya-*), подобно большинству этнонимов, не имеет установленной этимологии, хотя литература по “арийской проблеме” весьма обширна. Значения “благородный” (“знат-

ный") и "свободный", приписываемые этому термину, – результат вторичного развития или контаминации двух омонимичных форм.

5. Как бы то ни было, граждане сегодняшней Исламской Республики Иран, независимо от того в какой части страны они живут, говорят ли они на персидском или других иранских диалектах, на арабском ли или на тюркских наречиях, в абсолютном большинстве являются потомками древнейших обитателей Иранского плато. Инородными элементами на этом едином этническом пространстве, как было отмечено, выступают лишь туркмены в провинции Горган (Голестан) на юго-востоке Каспия (около миллиона человек), брахуи в провинции Систан-Балучестан (дравиды по происхождению) (около 150.000), а также мандейцы (около 20.000) в Хузистане (семиты), хазарейцы в Хорасане (персоязычные монголы, переселены из Афганистана) (около 250.000), арабы Хорасана, уже почти ассимилированные (50.000), и цыгане в различных частях страны (называемые *коули* или *горбати* - переселенцы из Индии в начале второго тысячелетия н.э.; около полутора миллионов) и тюркоязычные племенные группы кашкаи, авшар, шахсеван, айналлу, бахарлу, халадж, и т.д. (около полутора миллионов).[10] Сюда можно отнести и армян (около

[10] Большинство из них (около 900.000) – представители кашкайской конфедерации в Фарсе, которые, хотя еще и говорят в быту по-тюркски, "персифицированы" более остальных тюркских групп (за исключением, пожалуй, халаджей, уже давно перешедших на персидский язык). Интересно, что кашкайцы всегда были в водовороте исторических событий, происходивших в Иране. И сегодня процент задействованных в политике и общественной жизни Ирана сыновей этого племени очень высок. Причем, почти все иранские деятели науки, культуры и политики, вышедшие из кашкайской среды, представляют крайнее крыло иранской националистической идеологии. Можно привести пример замечательного знатока иранских диалектов и пехлевийской литературы, бывшего ректора Ширазского университета и директора созданного при Шахе Азиатского института покойного профессора Махяра Навваби, а также известного историка Каве Баята (кстати, сына вождя одного из кашкайских племен) и т.д. Между прочим, в теократической стране, где официально рекомендуется нарекать детей мусульманскими именами, а исконно иранский ономастикон если и имеет хождение, то в основном среди потомственной интеллигенции, кашкайцы, как никто, упорно сохраняют иранскую номенклатуру личных имен. Среди

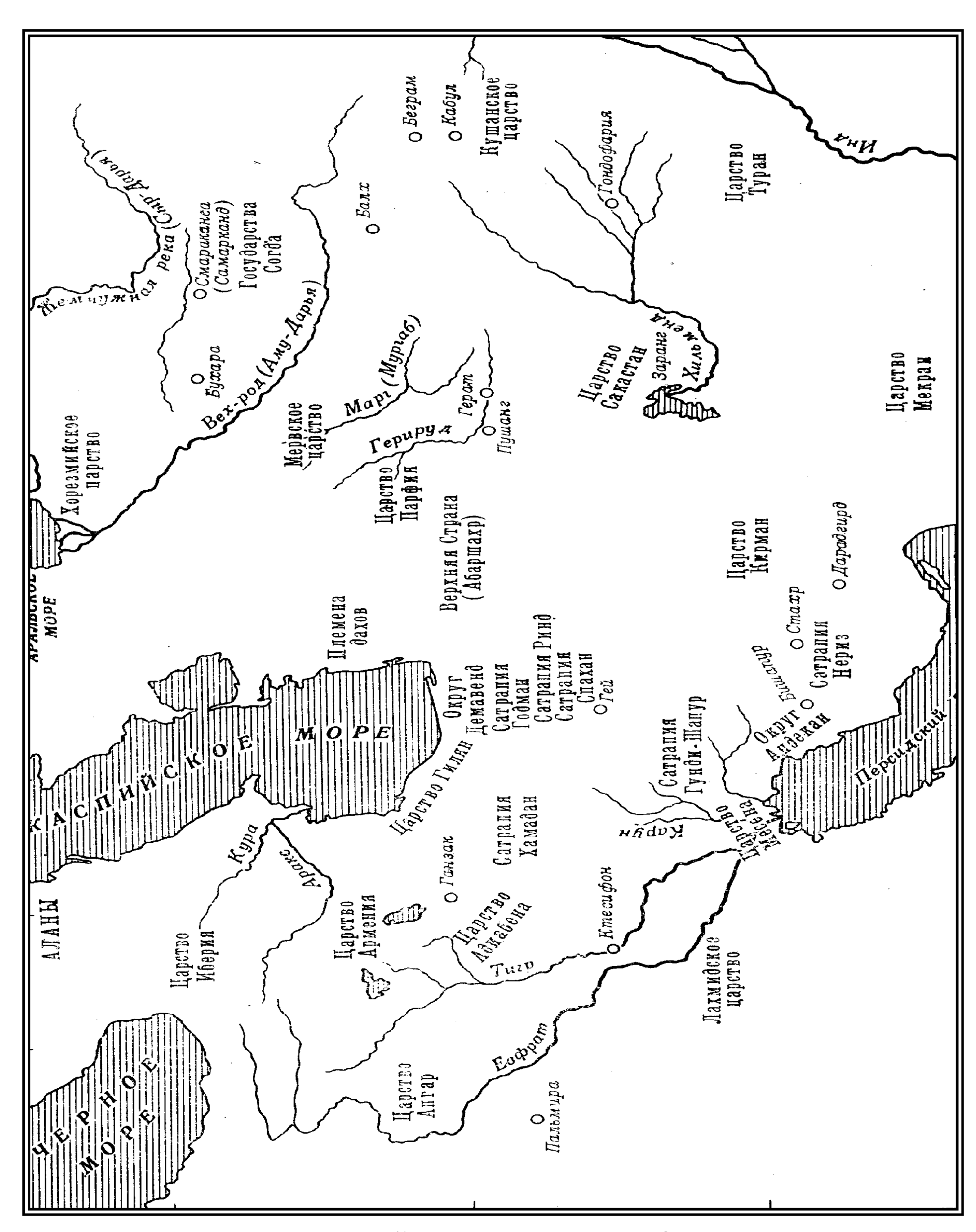
150.000), евреев (около 15.000), грузин (около 10.000), сирийцев или айсоров (10.000) и, пожалуй, афганцев (патанов) в Хорасане (около 100.000). Следовательно, из 70.495.782 общего числа населения Ирана (по переписи 2006 года) около четыре с половиной миллиона, т.е. всего 6,4% не являются автохтонами на западноиранской земле.[11]

Таким образом, почти на 95% сегодняшние иранцы восходят корнями к доарийскому этническому континууму Иранского плато. Правда, из-за демографических перемещений, обусловленных природными и климатическими условиями – к примеру, недостатком воды и системой дождевого орошения, – возведение сегодняшних диалектных ареалов к конкретным древним этносам не представляется возможным. Тем не менее, население Прикаспия, Азербайджана (Атурпатакана) и южного Хузистана – благодаря благоприятному климату и обилию воды – было менее подвижным и, по всей видимости, является прямым продолжением этнических образований, живших на этих землях в древности. Так называемые арабы Хузистана, например, – вовсе не этнические арабы (семиты), а потомки хузов, засвидетельствованных в Ахеменидских надписях, впоследствии ставшие арабоязычными (см. ниже, Гл. VII). О жителях южнокаспийского побережья уже говорилось, а об атурпатаканцах (азарийцах) – речь впереди.

Современный Иран, по сути, являет собой цельное этнокультурное, политическое и цивилизационное единство, идущее из глубин тысячелетий. Ни одна из частей этой страны с населением, живущим на ней, не была завоевана силой или искусственно аннексирована в ходе истории. Это – естественный конструкт, уникальный в своем роде и неповторимый по характеру и постоянно воспроизводящимся в нем энергии и заряду, обеспечивающим его жизнестойкость и пассионарную мощь.

иранцев, носящих сегодня имена Ардашир, Каве, Ферейдун, Араш, Эсфандияр, Бижан, Маниже, Нахид, Тахмине и т.д., большинство – явно кашкайцы.

[11] См. подробный обзор проблемы в работе автора на персидском: “Bāft-e nežādī-e mardom-e Irān: Gūnāgūnī-e qoumī yā gūnāgūnī-e zabānī?”, *Farhang-e mardom*, Tehran, 2011, pp. 10-26.

Иран в начальный период правления Сасанидов

II. “Персы”

1. Принято полагать, что раз Иран – это Персия,[12] а государственный язык Ирана – персидский (*фарси*), то и титульным народом этой страны должны быть, конечно же, персы. И коль скоро титульные народы, как правило, составляют большинство в народонаселениях стран, то и персов в Иране должно быть больше. При этом, придумана знаковая цифра-заклинание, регулярно повторяемая, к сожалению, и в нашей, и в российской печати. Это - 51%! Т.е., персов - и вправду, большинство, но всего на один процент. Остальное – чужеродные “нации”: “азербайджанцы”, курды, белуджи, арабы и т.д., ничего общего не имеющие с “персами”. Стало быть, само собой разумеется, чтобы “нации” эти стремились бы к отделению от Ирана, боролись бы за освобождение от гнета – цитируя бакинских авторов – “фарсидского шовинизма” и ратовали бы за создание собственных государственных образований.

В действительности же, привычное русскоязычному читателю “перс” – производное от *Персия* (Persia, la Perse, Persien), как называли Иран до официального переименования страны при Реза Шахе.

Ни один из иранцев персом себя никогда не называл: фраза *man fārsam* (“я – перс”) просто лишена смысла. Так что в современном Иране – как это ни странно прозвучит – нет ни “персов” в классическом смысле слова, ни – как увидим дальше – “азербайджанцев” в тюркистском толковании этого понятия...

Мы знаем, какое значение для манипуляции сознанием имеют символы и цифры. Волюнтаристское деление населения Ирана на “народы” и “этносы” и их цифровые репрезентации – не более чем специально разработанные символы, призванные “обосновать” на уровне общест-

[12] Название (англ. *Persia*) идет из греческой традиции (*Персис*), которая четко отличала территорию обитания персов (Ахеменидскую провинцию *Pārsa-*) от других частей “Арийского простора”.

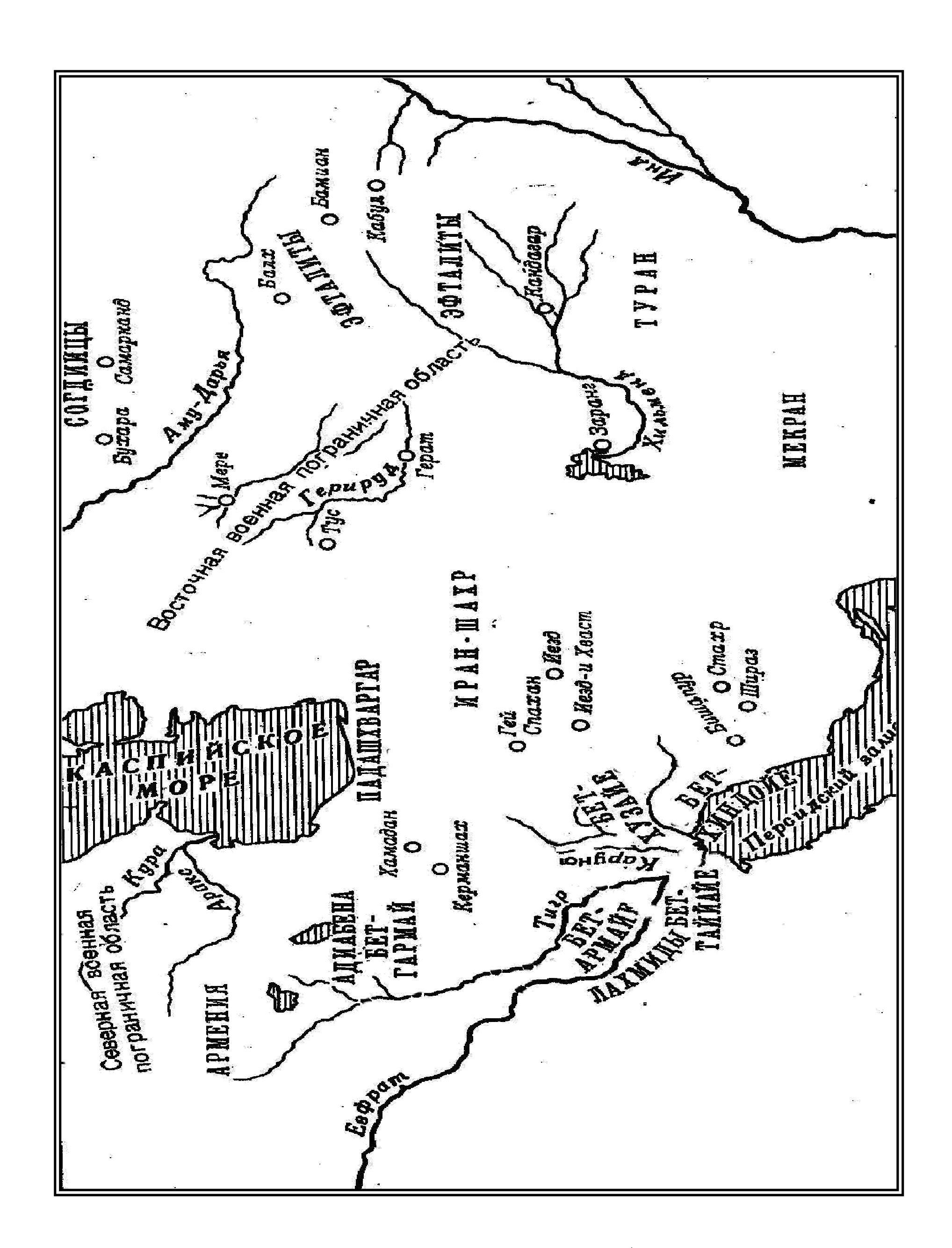
венного сознания тщательно планируемое расчленение этой страны. (Методология и методы создания подобной символики и ее роль в советской “Перестройке”, приведшей к развалу Союза, хорошо изучены и не нуждаются в дополнительной аргументации.)

2. Для выяснения объективной картины демографической ситуации в Иране традиционные методы статистических расчетов по этническому составу населения абсолютно бессильны. Невозможно определить по обычным меркам, что есть народ Ирана и из чего он состоит. Для этого требуется комплексный подход, учитывающий, помимо самосознания, исторический, антропологический, лингвистический и культурный аспекты.

Как уже говорилось, испокон веков (после иранизации Иранского плато) в западном Иране господствовали две этноязыковых стихии – мидийская и персидская. Мидийцы, первыми создавшие иранскую государственность на территории Ирана,[13] вскоре уступили власть персам-Ахеменидам. Но уже во второй половине III века до н.э. парфяне, родственный мидийцам народ, создали империю во главе с династией Аршакидов, происходивших из восточного Ирана. В начале III века н.э. к власти опять пришли персы в лице Сасанидов, всецело правившие Ираном вплоть до арабских завоеваний (первая половина VII века). После принятия ислама у власти сменяли друг друга то иранские, то инородные (тюркские и монгольские, однако быстро иранизовавшиеся) династии, но парфяне (и тем более мидийцы) окончательно покинули историческую арену и были преданы забвению.

Тем не менее, язык парфян некоторое время имел хождение, в том числе и официальное – по крайней мере, в форме отдельных версий среднеперсидских надписей (Хаджиабад, Ка‘баи Зардушт, Пайкули).

[13] См. новейшую работу об истории Мидийского царства: И. Н. Медведской, *Древний Иран накануне империй (IX-VI вв. до н.э.). История Мидийского царства,* СПб., 2010.

Иран при последних Сасанидах – перед арабским нашествием

Более поздние манихейские тексты, по-видимому, отражают уже не живую форму языка, а его архаический, уже вымерший вариант. Но историческая память о парфянах как о народе, обладающем выдающимися героическими качествами, еще долго сохранялась на уровне народной традиции. Неслучайно, что этноним парфян, имевший во времена Сасанидов форму *пахлав(ан)ик*, стал в дальнейшем - в классическом новоперсидском - нарицательным обозначением эпического героя (или просто героя-молодца), удалого всадника и силача (*пахлаван*). Интересно, что такое восприятие парфян отмечено и у армян: в армянском языке слово *партев,* изначально означающее “парфянин”, имеет и значение “статный”. Между прочим, в армянском этногенезе парфяне, возможно, также сыграли определенную роль.

В любом случае, северо-западноиранский языковой массив или, условно говоря, “мидийская” группа, куда входит и парфянский, породил большое количество диалектов, которые являются сегодня определяющими факторами, характеризующими многочисленные локальные культуры в Иране и даже за его пределами. Это – белуджский, семнани, мазандарани, гиляки, талышский, южно-татский, сиванди, габри, гурани, диалекты полосы Кашана-Исфахана и заза (в Анатолии). К юго-западноиранскому массиву, или “персидской” группе восходят собственно персидский (и центральноазиатская его разновидность, более известная как таджикский), лурские диалекты, северо-татский в Азербайджанской Республике и южном Дагестане, диалекты приморских районов Персидского залива (минаби, кумзари, башагарди и т.д.), систанские диалекты (мануджани, рудани и т.д.), диалект Лара и т.д. При этом, ряд диалектов, такие как курдский, лаки и калхори, являются весьма смешанными формами иранской речи, хотя и с превалированием в них северо-западноиранского элемента.[14]

[14] Смешанный характер курдского и, в частности, тот факт, что он сформирован в тесном окружении юго-западноиранских диалектов и персидского в первую очередь (см. выше, примеч. 6), был показан в совместной работе автора этих строк и В.А. Лившица, посвященной происхождению курдского консонан-

Однако, наиболее смешанный иранский язык – это персидский, который, будучи однозначно юго-западным диалектом, абсорбировал в своем словарном составе не только сотни парфянских и в целом северо-западноиранских лексем, но и многочисленные заимствования из восточноиранских языков и, прежде всего, согдийского. И главное, весь этот корпус привнесенной лексики в персидском нельзя считать заимствованиями в обычном смысле этого слова. Это – органичная составляющая персидского лексикона, неотъемлемый его ингредиент. Подобное не может случиться при простых контактах между народами. Заимствования контактного типа, когда проникновение чужеродной лексики происходит в результате тесных общений народов, – сплошь и рядом наблюдаемое во многих языках мира явление (кстати, арабские, тюрко-монгольские и индийские заимствования в персидском как раз принадлежат к этой категории лексики). Случай с персидским – феномен совершенно иного рода, связанный как с субстратно-суперстратным процессом – иначе говоря, этническим смешением, – так и с процессом формирования наддиалектного литературного *койне.* Известно, что в период IX-X вв. персидский, наряду с арабским, был *lingua franca* для всей иранской ойкумены – с востока до запада. Позднее эта функция осталась только за персидским (а арабский выступал преимущественно как сакральный язык религиозной практики), распространившимся к XVII веку уже и на Индийский субконтинент. Персидский стал, фактически, вторым после арабского, а в функциональном отношении порой выступал даже в качестве первого языка ислама.

Однозначно, что, не считая диалектных расхождений, новоперсидский является потомком среднеперсидского (официального языка Сасанидской Персии), а последний восходит в древнеперсидскому, дошедшему до нас в клинописных текстах Ахеменидского периода. Следовательно, родиной этого языка является Фарс (арабская адаптация искон-

---

тизма (см. G.S. Asatrian, V.A. Livshits, “Origine du système consonantique de la langue kurde”, *Acta Kurdica,* London, 1994, pp. 81-108).

но персидского *Парс;* ср. в армянском *Парс-к*), главная вотчина Ахеменидов почти в центре западного Ирана. На это указывает и название языка,

Жители деревни Абйане на полпути от Кашана в Натанз
(см. примеч. 81) (фото В. Аракеловой)

засвидетельствованное еще в пехлевийских текстах – *парсик,* т.е. "относящийся к Фарсу", "язык Фарса" и одновременно "перс, персиянин"; в этой форме оно до сих пор сохранилось в армянском, но только как этноним.

3. Как же случилось, что язык, ограниченный до VII века пределами западного Ирана, а в древности – лишь областью Фарс, вдруг приобрел такой вселенский масштаб в ближневосточно-центроальноазиатском регионе – и как средство общения, и как литературное *койне* (подобно классическому арабскому для арабоязычного ареала или латыни в средневековой Европе)?

Согласно почти единодушному мнению специалистов, своим статусом языка культуры и межнационального общения персидский обязан в первую очередь арабскому завоеванию Ирана. Под натиском арабов сотни тысяч персов – выходцев из Фарса – уже в первые десятилетия после падения Сасанидской империи нашли убежище в Трансоксиане (*Мавераннахре*) и особенно в Согдиане – в Бухаре и в других крупных урбанистических центрах. Хотя на согдийском местное население говорило почти до X века, оно еще в первый период арабского освоения восточного Ирана было уже двуязычным. К тому же, с арабами на восток перекочевало еще и большое количество принявших ислам персов – и в качестве арабских "клиентов" (*mawālī*), и самостоятельно, - что существенно укрепило позиции персидского в этом регионе. Он стал основным языком общения арабов с согдийцами и другими иранскими народами Средней Азии. Контаминация двух разделенных, хотя в основном и находившихся в составе единого государства частей иранского мира на арабо-мусульманской почве, создала поразительную многогранную и красочную культуру, выразившуюся в появлении богатейшего литературного и научного наследия. Достигла непревзойденных высот поэзия на персидском. Произведения по астрономии, медицине, юриспруденции, географии и лексикографии сочинялись не только на арабском, но и на персидском.

Персидский превратился в главный символ некоей синкретической цивилизации, базировавшейся на идее Ирана как ностальгической памяти о прошлом, к тому времени, конечно, уже мифологизированном, и традиций ислама. Хотя он и назывался *парси* (или в арабской передаче *фарси*), т.е. "персидский, язык персов" (как, например, у Фирдауси), но уже и речи нет о "персах" (за исключением редких случаев: *парсийан*) – только об иранцах (*ирани, иранийан*). Этнос под названием "перс" – чуждое понятие для этой культуры – разве что в сочетании с *ирани,* "иранец". Разумеется, в повседневной жизни, как и во всей мусульманской *умме*, превалировала самоидентификация "мусульманин" в противопоставлении иноверцам – буддистам (*бут-парастан, куффар/кафиран*), христианам (*насара, тарсайан*) и евреев (*джухудан, чахутан, йахудан*). В иных ситуациях люди определялись просто по месту жительства: *бухарайи* "житель Бухары", *абиварди* "житель Абиварда", *фараби* "житель Фараба (Фарйаба)", *табари* "табаристанец", *табризи* "табризец", *багдади* "житель Багдада" и т.д.

Определение "перс", если и встречалось, то преимущественно в сочинениях арабских авторов (*ал-фариси*) и обозначало неарабских (иранских) обитателей некогда великого "Арийского простора". Даже в самом персидском *парс* могло указывать, например, на жителей Бухары, согдийцев. Более обычным в мусульманском обиходе обозначением для иранцев было, конечно, *аджам,* которое часто употреблялось в противопоставлении к арабам – *араб-у-аджам.*

В западном Иране также развивалась литература на персидском, но близость к центру Халифата ограничивала ее просторы, и она во многом формировалась под влиянием норм, канонов и языковой фактуры, которые сложились в персоязычной традиции, оформившейся на востоке. Это было похоже на возвращение из чужбины собственного детища, носящего уже другое имя – *парси-дари,* "дворцовый персидский" или просто *дари.* К тому времени юго-западная ("персидская") среда, некогда давшая жизнь этому созданию, уже существенно отдалилась от него.

В ходе стремительного исторического развития на территории западного Ирана появилось большое количество диалектов, которые арабские авторы называют *фахлавийат.* Отдельные сохранившиеся образцы этих диалектов демонстрируют отличные от языка дари довольно продвинутые формы иранской речи уже в X веке. Характерным примером может служить язык перевода Корана (Кур'ан-и-кудс), осуществленного, по-видимому, в Систане. Похоже, кроме населения Хорасана (в средневековых его пределах, охватывавших также часть Средней Азии и Афганистана) и Трансоксиании, а также изолированных еврейских общин, сохранивших архаический персидский (Judaeo-Persian) первого периода арабских завоеваний, вряд ли кто-либо еще говорил на дари в повседневной жизни и в быту. Более того, думается, и в указанных областях имели хождение некие вульгарные разновидности этого языка, которые в дальнейшем составили основу современных таджикских диалектов.

Кстати, этноним *таджик,* впервые засвидетельствованный в XI веке, восходит к среднеперсидскому *тачик* (арм. *тачик*), первоначальное значение которого было "араб". Однако, в Мавераанахре в первый период распространения ислама слово восприняли еще не обращенные в ислам тюрки и стали употреблять его для обозначения ираноязычных мусульман. Отголоском этого является нынешнее употребление термина *таджик* по отношению к одной из иранских групп в Фарсе (упомянутой еще Оскаром Манном), по всей видимости, некогда жившей в окружении тюрков. Такую же семантическую нагрузку несет и термин *тат* (см. ниже, Гл. IV).

Даже в самом Фарсе, на родине персидского языка, люди общались на диалектах, весьма отличных от литературного *койне* (*дари*), не говоря уже о населении Исфахана, Хамадана, Маха, Нихаванда, Рея, Азербайджана, где процветали "мидийские" наречия. Сохранилось значительное число текстовых свидетельств на диалекте Шираза (столицы Фарса) со времен Саади и Хафиза, указывающих на тот факт, что простые носители этого диалекта не могли понимать (или с трудом понимали) произ-

ведения своих гениальных земляков на дари. Неслучайно Хафиз писал: *Ze še‘r-e delkaš-e Ḥāfeḍ kasī bovad āgāh / Ke loṭf-e ṭab‘ o soxan goftan-e darī dānad* — “Лишь тот поймет трогающую сердце поэзию Хафиза, кто знает нежность сути (языка) дари и (может) говорить на нем”.

Интересно, что Насир Хусрав, персоязычный поэт, писатель, философ и путешественник XI века из восточноиранского Балха (древняя Бактрия), называя “персидским” (*парси*) язык части населения города Ахлат на севере-востоке озера Ван – остальные жители этой местности, по его словам, говорили на *тази* (арабском) и *армани* (армянском), – считает, вместе с тем, настоящим *парси* только литературный персидский Трансоксиании. Описывая свою встречу в Табризе с азербайджанским (азарийским) поэтом Катраном Табризи, он пишет: “(Катран) писал хорошие стихи, но плохо знал *парси*. Пришел ко мне, принес стихотворные собрания Манджика и Дакики и стал их при мне читать, а трудные для себя места спрашивал. Я объяснил ему, а он это все записал и прочел мне свои стихи”. Понятно, что под *парси* Насир Хусрав имеет в виду хорасанский или среднеазиатский литературный персидский, ибо Дакики и Манджик – поэты как раз этого региона, а первый – еще и предшественник Фирдауси в сочинении “Шахнаме”. Кроме того, дошедшие до нас отрывки поэтического творчества Катрана указывают на то, что он блестяще знал персидский, хотя его родным языком был диалект Табриза – *азари*, принадлежавший к “мидийской” группе иранских наречий (см. ниже, Гл. III, 3). Здесь речь может идти лишь о непонимании отдельных лексем, свойственных литературному *койне,* но чуждых для жителя западного Ирана. Чуть позднее именно такую лексику собрал в своем знаменитом словаре “Лугат-и фурс” хорасанский поэт Асади Туси (похороненный, кстати, в Табризе).

Классическая литература на персидском, которую принято называть “классической персидской литературой” (или – в советской академической традиции – “персо-таджикской литературой”), – по существу, коллективное творчество, общее наследие всех иранцев – прежде всего восточных, хотя язык, на котором она создана, происходит из запада, из

Фарса. Роль самих выходцев из этой провинции, т.е., так сказать, персов, в развитии этой литературы достаточно скромна.

Так обстояло дело и в период формирования литературы по окончании классического периода (XV в.) уже в западном Иране. Вся литература, историографические, лексикографические труды и проч., появившиеся в XVI-XX вв., – также плод художественного и научного творчества представителей всех культурно-диалектных ареалов Ирана – хорасанцев, горганцев, мазендаранцев, гилянцев, галешей, талышей, азербайджанцев (азарийцев), курдов, семнанцев, исфаханцев, хузистанцев и, в том числе, обитателей провинции Фарс, которых персами можно назвать лишь в определенном историческом контексте.

Галеш из Эшкевара (см. примеч. 4) (фото В. Восканяна)

4. Персидский литературный язык в том виде, в котором он существует, мало чем отличается от классического новоперсидского (или дари), а

последний – от позднего среднеперсидского, отраженного в манихейских текстах. Основные различия между среднеперсидским и новоперсидским прослеживаются только в синтаксисе. Различия в словарном составе (отсутствие архаических единиц в новоперсидском), грамматике и вокализме, при этом четко не фиксированные в письме – довольно незначительны. Выходит, фактически, что за больше чем тысячелетие персидский язык не потерпел существенных изменений – весьма нехарактерное для иранских языков явление. За тот же период прямые потомки этого языка на его родине, в Фарсе и в прибрежном ареале Персидского залива, как уже было отмечено, подверглись нормальному процессу языковой эволюции.

Причина "остановки во времени" новоперсидского кроется именно в его особом статусе – языка литературы и нормативной словесности. Он не прошел естественного пути развития, а остановился, похоже, в позднесреднеиранском состоянии, став языком культуры и общения целой цивилизации. Это не только наследие собственно персов, а достояние всей иранской ойкумены, включающей весь "Арийский простор" – от крайнего востока Средней Азии до крайнего запада в современном Иране. Прямыми потомками древнеперсидского (и, соответственно, среднеперсидского) могут считаться разве что диалекты Башагарда, Кешма, Минаба и т.д., не считая, конечно, угасших наречий Фарса.[15]

Между тем, как я уже отмечал, понятие "перс" в качестве названия этноса или народа в исламский период истории Ирана вплоть до сегодняшнего дня отсутствует. В современном Иране, как и в первые века ислама, люди идентифицируются по месту жительства, а в противопоставлении к иноверцам – по религиозной принадлежности (т.е. мусульманин (суннит, шиит), христианин (*масихи, исави*), еврей (*йахуд*, *калими*), зороастриец (*габр, зардошти;* сами последователи про-

[15] О формировании персидского языка см. сборник статей разных лет профессора Жильбера Лазара: Gilbert Lazard, *La formation de la langue persane*, Paris, 1995.

рока Зороастра предпочитают термин *бехдинан,*т.е. “(имеющие) благую религию”)[16] и т.д.). Исключение составляют лишь племенные общности

Старик с острова Кешм (фото В. Аракеловой)

Удивительно, но язык именно этих людей (населения прибрежной полосы Персидского залива) является прямым потомком пехлеви или среднеперсидского.

[16] О зороастрийцах Ирана с подробной библиографией см.: G.S. Asatrian, F. Vahman, *Notes on the Language and Ethnography of the Zoroastrians of Yazd*, Danish Royal Academy of Sciences and Letters, Copenhagen, 2002.

с традиционным укладом жизни – луры, бахтияры, кашкайцы, курды, белуджи, гураны, авроманы, брахуи (*барахави*), туркмены (*торкаман*), мандейцы (*мандаи*) и др. Обозначение *торк* ("турок") для членов тюркоязычных сообществ имеет весьма недавнюю историю: еще в середине XX века оно имело – а порою имеет и сейчас – пейоративный оттенок, намекающий на некую культурную отсталость личности. Впрочем, в таком же контексте употребляется и племенное название *лор* ("лур").

Габр – иранский зороастриец, глава зороастрийской общины Кермана (фото В. Аракеловой)

В сегодняшнем Иране этнонимы применяют только по отношению к армянам (*армани;* кстати, это название часто распространяется и на всех христиан страны), арамеоязычным сирийцам, или айсорам (*сорияни*), грузинам (*горджи*) и арабам (*'араб*).

Однако, вернемся еще раз к вопросу о персидском языке. Исходя из логики повествования, можно сделать вывод, что, во-первых, исламскому Ирану понятие "перс" было чуждо в качестве обозначения конкретного этноса (даже само название страны *Иран* (*иран-замин, шахр-е Иран*) было возрождено только в XIII веке при монголах) и, во-вторых,

границы распространения персидского как разговорного языка были изначально ограничены только в средневековых пределах Хорасана.

Что же привело к тому, что персидский все-таки стал общенациональным и государственным языком Ирана? Прежде всего, надо отметить, что, не будучи разговорным для большей части страны, он был почти единственным языком литературы и науки – арабский по большей части применялся для составления теологических трактатов в религиозных семинариях. Историографические, географические и иные труды, написанные по-арабски, вскоре переводились на персидский. Кроме того, персидский был и языком образования: во всех образовательных центрах, наряду с изучением Корана и образцов мусульманской словесности на арабском, читали "Шахнаме" и произведения других персидских поэтов. Умение читать, понимать и комментировать персидскую поэзию всегда было признаком высокой культуры в Иране. И, наконец, некий разговорный вариант персидского литературного *койне* – видимо, уже со времен Саманидов – был средством общения между носителями различных диалектов на всей территории "Арийского простора", а позднее – и на значительной части Индийского субконтинента.

Таким образом, становление персидского в его нынешнем статусе – результат вполне закономерных развитий, обусловленных историческими, культурными и лингвистическими предпосылками и – что важнее всего – идеей этнического и духовного родства в пределах единой цивилизации.

5. Итак, кто же такие "персы", якобы составляющие в настоящее время, как часто утверждается, магический 51% населения современной Исламской Республики Иран? По идее, это должны быть жители Персиды, т.е. Фарса, но таковых, по данным последней переписи населения 2006 г., – чуть больше 4 миллионов человек. Даже если присовокупить сюда обитателей всех трех нынешних Хорасанов (Северного, Разави и Южного) – традиционно персоязычного края (менее 7 миллионов), то вышеупомянутого процента опять не получится.

Мазандаранка с ребенком из окрестностей Сари (фото В. Аракеловой)

Возможно, при определении так называемого этнического состава населения учитывался языковой критерий – наряду с городскими жителями, говорящими преимущественно на персидском, в состав "персов" были включены и прочие ираноязычные группы страны? Если это действительно так, то возникает вопрос: на каком основании в ираноязычную среду не попали, к слову, курды и белуджи? Ведь языки гилянцев, талышей, мазандаранцев, семнанцев, южно-татских общин, гуран, жителей Башагарда и приморья Персидского залива, целых ареалов в провинции Исфахан в центральном Иране и т.д. в не меньшей степени отличаются от персидского, чем курдский и белуджский. Это не менее оформленные языки, обладающие стройной грамматической системой и словарем, порой куда более богатым исконно иранской лексикой,

Женшина из деревни Фаризанд близ Абйане (см. примеч. 81) (фото В. Аракеловой)

Эта женщина говорит на "мидийском" языке, ничем не уступающем курдскому или белуджскому и отличающемся от персидского в той же степени, что и упомянутые два иранских диалекта. Язык Фаризанда принадлежит к группе Абйане центральноиранского диалектного конгломерата, подробно описанной мною недавно (см. примеч. 26). В эту группу входят языки следующих близлежащих деревень: Ханджан, Чиме, Яранд, Абйане, Фаризанд, Бидхенд и Текйе-садат. Обитатели деревни Барз, между Ярандом и Абйане, и нижнего квартала Чиме говорят на персидском.

нежели словарный состав курдского или белуджского. К тому же, если уж говорить о письменности, то наиболее ранняя литературная традиция после персидского принадлежит мазандаранцам, ни курдам, и ни белуджам (см. выше, Гл. I, 2). При этом, степень владения персидским и употребления его в общественной жизни у всех носителей перечисленных диалектов одинакова. Как курды и белуджи, так и,

скажем, гилянцы и семнанцы в кругу семьи говорят на своих наречиях, а вне дома – по-персидски.

Тогда, быть может, выделение из всей ираноязычной массы курдов и белуджей – попытка “учесть” их “национальное” самосознание? В этом случае, оставляя в стороне вопрос о том, что главным маркером идентичности этих групп и по сей день остается племенная принадлежность, а “национальное” самосознание им усердно прививается извне, отметим, что локальные, земляческие сентименты, как и “национальные” чувства, в той или иной степени присущи всем названным мною выше группам, однако характеризуются они в зависимости от политической конъюнктуры по-разному: скажем, что для бахтияра или мазандаранца – местничество, для курда, белуджа или “азербайджанца” – борьба за независимость.

Ясно, что в таком дифференцированном подходе к выделению составных частей народонаселения Ирана можно усмотреть лишь политическую подоплеку.

И на самом деле – по всем названным параметрам курды и белуджи также должны быть причислены к “персам”. Но дело в том, что в Исламской Республике Иран нет ни одного человека, который бы идентифицировал себя с этим призрачным этносом.[17] Никто не скажет *man*

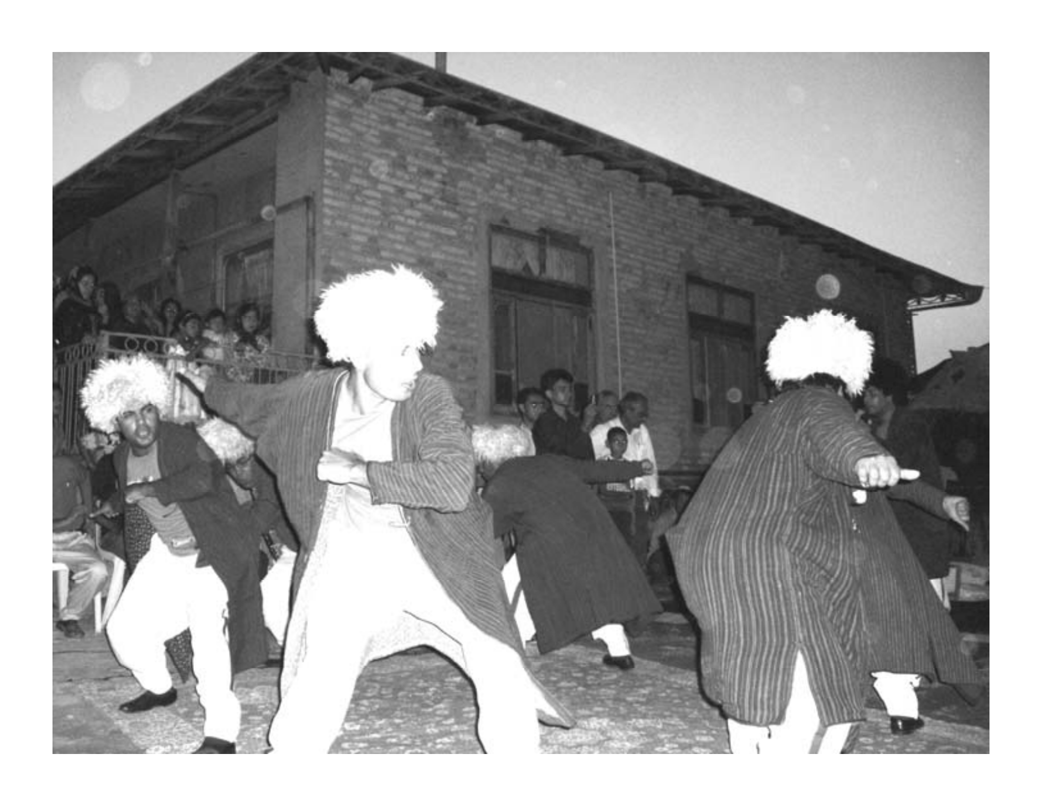
[17] Вот отрывок (параграф) о “персах” из справки об “этнических и религиозных меньшинствах Ирана”, подготовленный для членов комитетов Конгресса США (Prepared for Members and Committees of Congress) “Исследовательской службой Конгресса” (Congressional Research Service), ясно показывающий уровень того знания об Иране, которое сегодня циркулирует в политических кругах Америки. Перевод – дословный, сохранены примитивный стиль и словоупотребление (wording) оригинала.

Персидское господство (Persian Dominance)

Персы, которые составляют 51% населения Ирана, господствуют в центральном правительстве Ирана. Персы происходят из индоевропейских племен, которые осели на Иранском плато и около 1000 г. до н. э. создали древнюю персидскую империю (sic!). Эксперты (?) утверждают, что персы, всего с ничтожным превалированием в числе (имеется ввиду, конечно, злосчастный

fārsam, т.е. “Я – перс”, а только *man īrānīam* – “Я иранец”. Причем, самоидентификация “иранец” – отнюдь не искусственный ярлык, привитый насильственно или посредством пропаганды. Это – естественное выражение чувства принадлежности к единому народу, что, как мы старались показать, имеет глубокие исторические и генетические корни и зиждется на прочном фундаменте тысячелетнего национального бытия в пределах одного и того же государства. Именно поэтому принятое в Иране определение населения по религиозному принципу, а не по этническому, является не выражением злого политического умысла властей, а следствием адекватного подхода к предмету. Иначе невозможно. Трудно искусственно расчленить единое целое. Обычные мерки идентификации этносов абсолютно не применимы к Ирану. *По сути, нет более глупого определения сегодняшнего Ирана, чем утверждение о “многонациональности” этого государства.*

один процент! – Г. А.), обладают особым чувством превосходства над другими иранцами и считают себя истинными наследниками истории и традиции Ирана и блюстителями и хозяевами его наследия. При монархии и в Исламской республике персы были и остаются фаворитами экономической и социальной политики правительства. Географически провинции с персидским населением продолжают оставаться наиболее развитыми провинциями в стране, вопреки декларативной политике в пользу других регионов страны. Более того, государственные радио и телевидение вещают преимущественно на персидском, и только ограниченное число передач выходит в эфир на языках меньшинств (CRS Report for Congress. Iran: Ethnic and Religious Minorities. – Updated November 25, 2008, p. 3). Это и есть весь раздел своего рода “эзотерического” американского документа, посвященного “персидскому господству”! Господству этноса, с которым, фактически, ни один иранец себя не идентифицирует!

Туркмены, исполняющие ритуальный танец *пурхан-зикр* - Торкаман-сахра, историческая провинция Горган (Вркана), ныне Голестан (фото В. Аракеловой)

Пурхан-зикр дословно значит "радение, посвященное Пурхану" ("зикр" в арабском – "упоминание (Бога)"). Пурхан же – монгольское обозначение Будды. Данный ритуал – древний элемент, отголосок шаманско-буддийского прошлого туркмен – сохранился, насколько я знаю, только у иранской части этого тюркского племени: у туркмен Туркмении пурхан-зикр, судя по всему, не засвидетельствован.

III. "Азербайджанцы" и прочие

1. Сегодня стало почти общим местом – во многом благодаря бакинской пропаганде и усилиям тюркистских лоббистов за рубежом (в том числе в России) – утверждение о некоем разделенном на две части народе – "азербайджанцах", которые якобы живут на территории нынешней Азербайджанской Республики как титульный народ, а к югу от реки Аракс в иранских провинциях Ардабиль, Восточный Азербайджан, Западный Азербайджан, Занджан и даже Казвин – как многомиллионное "меньшинство". Насколько это утверждение верно, обсудим далее. Пока же рассмотрим вопрос о численности "азербайджанцев" в Иране, ставший сегодня одним из ключевых элементов проекта по разделу Ирана. Я уже говорил о символике чисел в манипуляциях по программированию искусственных внутриполитических развитий, в частности, в Иране и при подготовке общественного сознания к ним. По словам С.К. Кара-Мурзы, "магическая сила внушения, которой обладает число, такова, что если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его уже почти невозможно вытеснить не только логикой, но и количественными же аргументами. Число имеет свойство застревать в мозгу необратимо".[18]

Первоначально, уже в первые годы после распада СССР, была запущена в оборот цифра в 33 миллиона – дескать, в Исламской Республике Иран живут более 30 миллионов "азербайджанцев". Причем, в то время общее число населения Ирана не превышало 60 миллионов! Т.е., фактически, утверждалось, что половина иранцев – "азербайджанцы". И вот, "33" со своим сакральным ореолом последовательно утвердилось в форме "более 30 миллионов" в среде не только дилетантствующих группировок и ангажированных политических кругов разных стран, но и в умах вполне солидных и далеко не заинтересованных аналитиков и по-

[18] С.К. Кара-Мурза, *Манипуляция сознанием*, Москва, 2004, с. 77.

литических деятелей. В российском истеблишменте, например, эта цифра долго воспринималась всерьез. При этом, никаких конкретных разъяснений не давалось: как правило, ссылались на то, что иранские-де власти своих граждан считают только по религиозному признаку и, следовательно, нет точных данных, но, в действительности, якобы, весь северо-запад Ирана и пол-Тегерана населены “азербайджанцами” и т.д. , и т.п. ...

Никто не задумывался, на чем же основывается цифра 30 миллионов, ведь даже если взять всю линию длинного тракта северо-запада Ирана, включая прикаспийские территории до Горгана и Семнана, и спроецировать ее до предгорий Демавенда вместе со столицей, и всю популяцию этого просторного ареала считать “азербайджанской”, то и тогда тридцати миллионов никак не получится.

Возможно, из-за подобных неувязок, разработчики планов фрагментации Ирана в конце концов поняли, что настаивание на фигуре *более чем 30 миллионов “азербайджанцев” в Иране* уже граничит с неприличием и, того и гляди, может дискредитировать “идею”; к тому же, как они убедились, несмотря на широкое ее распространение, она уже не работает. Поэтому вскоре появилась другая цифра – 20 миллионов, которая стала циркулировать не менее активно.[19] Судя по всему, ее достаточно успешно внедрили и в российскую политическую среду.[20] Чтобы все было правдоподобнее и не выглядело слишком категорично, на сей раз

[19] Однако, легенда о более чем 30 миллионах “азербайджанцев” в Иране еще фигурирует во внутриазербайджанском дискурсе, но уже в “естественной” коррекции (как никак прошло двадцать лет). Недавно, например, по поводу реакции Ирана на проведение парада “веселых” в Баку, участники акции перед посольством ИРИ в азербайджанской столице расценили политику Ирана по отношению к Азербайджану “как оскорбление 35 миллионов азербайджанцев, проживающих в этой стране” (см. *http://blognews.am/rus/news/*, дата обращения: 21.05.2012).

[20] Эта цифра даже была озвучена тогда еще кандидатом в президенты России В.В. Путиным во время встречи с главными редакторами авторитетных иностранных СМИ (см. *http://www.1tv.ru/news/social/200389*, дата обращения: 02.05.2012).

был определен и низкий порог фальшивой фигуры – 18 миллионов – здесь, мол, все чисто, даже учтены погрешности.

Девочка из Табриза в праздничном одеянии
(фото В. Аракеловой)

Само собой разумеется, что не только у экспертов, но и у любого вдумчивого стороннего наблюдателя не может не возникнуть обоснованных сомнений в достоверности подобных подсчетов (и поправок аж на треть!), тем более, что никто и никогда не проводил переписи населения Ирана по языковому признаку – основному критерию, по которому сторонники традиционных подходов определяют этническую атрибуцию той или иной группы в Иране. Пожалуй, единственный источник, где систематически указывается на язык обитателей населенных пунктов (и то в виде кратких пометок и без числовых данных) – многотом-

ный “Географический словарь Ирана”, изданный Генштабом вооруженных сил страны еще при Шахе и переизданный в обновленной форме после Исламской революции. Однако, составить сколь-нибудь цельное представление о языковой картине Ирана по этой работе совершенно невозможно. Проводящиеся в последнее время так называемые социологические опросы (в которых фигурирует и вопрос о языке) – произвольные и несистемные – в отдельных городах и весях страны – очень слабое подспорье для серьезных заключений по данному вопросу.[21]

Более или менее близкое к истине предположение о численности тюркофонов в Иране – 9 миллионов – высказал недавно известный иранский этнограф проф. Секандар Аманолахи.[22] Но, подчеркну, в это число включены не только собственно “азербайджанцы”, но и прочие группы тюркофонов (за исключением туркмен) – шахсеванов,[23] айналлу, халаджей (живущих в Савве, недалеко от Тегерана и почти полностью персоязычных в настоящее время) и т.д., о которых мы уже

---

[21] Показательна в этом смысле статья Б. Уркада, целиком основанная на подобных данных (см. B.Hourcade, “Qui parle persan en Iran?”, *Hommes et terres d'Islam,* tome 1, Téhéran, 2000, pp. 419-434).

[22] Sekandar Amanolahi, “A Note on Ethnicity and Ethnic Groups in Iran”, *Iran and the Caucasus,* vol. 9.1 (2005), p. 37.

[23] Следует отметить, что в конфедерацию *шахсеван* (“сторонников (букв. *любящих*) шаха”) в самом начале ее формирования в Сефевидский период входили и нетюркские племена. Например, *айрумы,* переселившиеся в Ардабиль из юго-восточного Кавказа, традиционно считаются потомками принявших ислам (шиизм) отдельной группы армян-католиков. А племена *араблу* и *саййедлар* имеют явно арабское происхождение. Что касается племенной группы *арасбаран* в районе Калейбар провинции Восточный Азербайджан, ныне включающей шесть племен и бывшей некогда частью шахсеванов, то она имеет курдские корни, что особенно выражено у входящего в ее состав племени *карачёрлу* и отпочковавшегося от него *хосейнкалу.* Остальные племена группы *арасбаран* – это *чалабианлу, хаджиалилу, мохаммадханлу* и *дашгаррус.* Что примечательно, все представители племен и племенных групп конфедерации *шахсеван* имеют четко выраженную идентичность, маркируя себя прежде всего как шахсеванов.

говорили выше и общая численность которых составляет около полутора миллионов.[24]

Шахсеванка (фото автора)

Кстати, смешивать воедино множество тюркоязычных групп Ирана, делая из них “азербайджанцев”, – ошибка, свойственная многим авторам, писавшим о проблеме, в том числе и политически не ангажированным. Более того, тюркофония – в силу разных исторических причин,[25] в частности, по модели “элитного доминирования” – отмечена и у довольно заметного числа сельских жителей, а также племенных образо-

[24] См. довольно хороший обзор о тюркофонах в Иране: Louis Bazin, “Les turcophones d’Iran: aperçus ethno-linguistiques”, *Le fait ethnique en Iran et en Afghanistan*, Paris, 1988, pp. 43-51; см. также более ранюю работу П. Оберлинга, рассматривающую тюркоязычные группы только атурпатаканского круга: P. Oberling, *The Turkic Tribes in Iranian Azerbaijan*, New York, 1961.

[25] См. интересное социолингвистическое исследование тюркофонии в Иране: J. Perry, “The Historical Role of Turkish in Relation to Persian of Iran”, *Iran and the Caucasus,* vol. 5 (2001), pp. 193-200.

ваний в самых разных частях Ирана (Чармахал-Бахтияри, Фарс, Хорасан, Исфахан и т.д.), которые не являются тюрками и не имеют отношения к Азербайджану (Атурпатакану). Например, чисто иранская племенная конфедерация (*ил*) *басери* имеет в своем составе и племена, говорящие по-тюркски и даже по-арабски. Эта категория населения – обычно в завышенных пропорциях, понятно – также всегда инкорпорируется в общее число так называемых "азербайджанцев" в Иране.

Что касается того, что якобы добрую половину жителей Тегерана составляют "азербайджанцы" (предлагаются разные цифры – от 4 до 7 млн.), то фантастичность такого утверждения очевидна без особого обоснования. Такому количеству "азербайджанцев" там просто неоткуда было взяться. Реальная оценка – от 500.000 до 1 миллиона, переселившихся в разные годы в столицу и полностью "растворившихся" в ней. Вообще, население Тегерана, небольшого городища до объявления его столицей в конце XVIII века при Ага Мухаммад-хане, сформировалось за счет массового людского притока из разных частей страны. Расширяя свои пределы, город впоследствии вобрал большое количество близлежащих селений – Нармак, Заркеш, Ванак, Шемиран, Таджриш и т.д., в которых говорили, судя по всему, на мазандаранском, как, впрочем, и в населенных пунктах к северу и северо-западу от Тегерана – Карадже (сегодня четырехмиллионный город), Рудехене, Чалусе, Ушане, Фашаме и т. д., в которых ныне господствует только персидский. В самом Тегеране, в достоличный период его истории, народ, вероятнее всего, говорил на одном из южно-татских наречий или на языке Раги (Рея), одной из разновидностей центрально-иранского диалектного континуума, куда входили и старые диалекты Кума, Саве, Арака, Джаспа, Кашана и Исфахана.[26]

Говорить о сколь-нибудь заметном проценте тюркофонии в столице Исламской Республики Иран просто не приходится. Спорадические от-

---

[26] См. подробно: G. Asatrian, *Comparative Vocabulary of Central Iranian Dialects,* Tehran: "Safir Ardehal Publications", 2011, pp. 1-120.

Традиционная форма производства масла у племени *чалабианлу* (фото автора)

звуки тюркской речи на тегеранском базаре, где продают в основном товары местного производства или сельхозпродукты торговцы из Тавриза, Миянэ, Маранда, Мараге и т.д., и в харчевнях, угощающих своих посетителей особым бонабским кебабом из рубленного мяса или тавризской кюфтой – далеко недостаточное доказательство наличия в Тегеране многомиллионного населения из северо-западных провинций. Причем, носители разговорной тюркской речи на базарах и традиционных тавернах, как правило, не постоянные резиденты столицы, а люди, приехавшие на временные заработки.

Привыкшему к строгому стилю читателю наш экскурс по тегеранскому базару и тавернам в связи с рассматриваемой проблематикой может вполне справедливо показаться если не лирическим отступлением, то уж явно нерелевантной вставкой в текст. В конце концов, во многих европейских городах (не исключая Москвы) сегодня можно услышать тюркскую (и не только) речь в таких же харчевнях, подающих шаурму и

кебаб, гораздо чаще, чем в Тегеране, но никто из этого не делает демографических и, тем более, далеко идущих политических выводов. Да, собственно, и в Ереване ныне то и дело говорят по-тюркски – как на рынке, так и в многочисленных иранских этнических ресторанах и закусочных.

Дело в том, что все построения "Азербайджанского проекта" зиждутся на подобных деталях. Сомнительные клише типа "Весь тегеранский базар – в руках азербайджанцев", "всю торговлю и ресторанное дело контролируют азербайджанцы", "все пекари в Тегеране – азербайджанцы" и т.п. – вот ключевые "доводы", составляющие систему аргументации в пользу наличия 4-7-миллионной "азербайджанской" популяции в Тегеране. Жителей же иранской столицы никто и никогда по языковому признаку не считал! Никаких других аргументов нет и быть не может. Но зато по ряду вполне определенных параметров я мог бы четко подтвердить, например, что число выходцев из провинций Курдистан и Систан-Балучестан в Тегеране отнюдь не меньше, чем количество переселенцев из северо-западных провинций, сиречь "азербайджанцев". Доподлинно известно, что еще 10 лет назад в Тегеране проживало около 700.000 суннитов, которые, кстати, жаловались на отсутствие суннитских мечетей и для отправления культа и проведения пятничных молитв часто обращались в мечети, находящиеся на территории посольств Пакистана и Афганистана. Поскольку основной костяк суннитского населения Ирана состоит из курдов и белуджей, указанный факт дает нам основание для предположений о количественном присутствии этих групп в столице. Беженцы из Афганистана, главным образом хазарейцы, как мы уже говорили, – шииты.[27] Для подсчета "азербайджанцев" в Тегеране нет и таких косвенных критериев, как конфессиональная принадлежность, поскольку все они – последователи шиизма. Может, шутки ради, попытаться определить "азербайджанцев" в Тегеране по признаку потребления *барбари,* ибо известно, что выходцы из Азербайджана очень любят этот сорт лепешек? Собственно, они и основали в начале

[27] Число туркмен–суннитов в столице Ирана ничтожно мало.

XX века в Тегеране первые пекарни по выпечке данного вида хлеба. Эта страсть уроженцев Азербайджана к *барбари* даже вошла в поговорку. Но, увы, к *барбари* равным образом пристрастились и другие категории столичных жителей и иранцы в целом. Так что и данный признак становится нерелевантным.

Итак, после того как мы в целом определили основные контуры тюркофонии, т.е. выяснили, что не все говорящие на тюркских диалектах – "азербайджанцы", пришло время выяснить приблизительное, хоть сколь-нибудь близкое к объективным показателям число последних в Исламской Республике Иран.

Для начала определимся с термином "азербайджанец", означающим исконного жителя Азербайджана, т.е. Атурпатакана, древнего края на северо-западе Ирана, разделенного в настоящее время, согласно нынешнему административному делению страны, на пять провинций. Почему название иранской провинции Азербайджан вдруг перешагнуло через реку Аракс на север и стало обозначением сначала Советской республики, затем и независимого государства – вопросы, к которым вернемся чуть позже. Пока же, оставаясь в пределах Ирана, обратимся к официальной статистике 2006 года по провинциям. Это предельно точные цифры, поскольку в данном случае у властей нет резона фальсифицировать количественные показатели народонаселения собственной страны.

Так вот, приведем данные по указанным пяти северо-западным провинциям, на территории которых живут "азербайджанцы". (В других частях страны, как мы увидели, сколь-нибудь заметного числа "азербайджанцев" нет.) Причем, нужно иметь в виду, что самая южная из указанных пяти – провинция Казвин – исторически не входила в состав Атурпатакана, и ее население по большей части персоязычно.

По состоянию 2006 года в провинции Ардабиль живет 1.228.155 человек, в провинции Восточный Азербайджан – 3.603.456, в Западном Азербайджане – 2.879.459, в Занджане 964.601 и в провинции Казвин – 1.143.200 человек. Таким образом, общее число населения в этих потенциально "азербайджанских" территориях составляет 9.094.105 человек.

Далее, учитывая, что около 70% жителей Западного Азербайджана – курды (около 2 миллионов), больше половины Казвина – говорят на южнотатских наречиях (город Такестан, группа селений, называемая *Болуке Захра* и т.д.) и персидском (приблизительно 1 миллион), определенный процент в остальных провинциях составляют курды, айсоры, армяне, талыши, южные таты (всего не менее 500.000), в результате получим около 5 с половиной миллионов "азербайджанцев". Это, как показывает достаточно простой и объективный анализ, и есть наиболее реалистичное число: погрешности могут быть в пределах нескольких сотен тысяч.

2. Основная форма самоидентификации граждан Исламской Республики Иран, как уже было отмечено, – *ирани,* т.е. "иранец", к которому часто добавляется уточняющее определение по месту жительства – *техрани* "тегеранец", *эсфахани* "исфаханец", *хамадани* "хамаданец", *табризи* "табризец" и т.д. Для жителей диалектных регионов уточняющее определение включает название диалектного ареала. Так, для жителей Гиляна, Мазандарана и Горгана – *шомали* (букв. "северянин"), для жителей провинции Ардабиль – *ардабили,* для населения Восточного и Западного Азербайджанов – *азарбайджани* (наряду с более дробным делением по городам – *табризи, маранди, мианеи, шабестари, марагеи* и т.д.), для обитателей курдоязычного и луроязычного ареалов – соответственно *корд* и *лор* и т.д. При этом, фундаментом региональной (культурной)[28] самоидентификации является местный диалект. Как только семья переселяется в город и, теряя свое родное наречие, переходит на персидский, уже следующее поколение приобретает вторичное определение идентичности уже по новому месту жительства, сохраняя, впрочем, память о региональных корнях. Многие выходцы из северо-западных провинций, живущие в Тегеране, уже отчетливо идентифицируют себя как *иранцы–тегеранцы.*

[28] В самом Иране придуман довольно меткий термин для обозначения диалектных регионов – *xorde-farhang(hā),* что примерно можно перевести как "локальные культуры".

В свете сказанного, крайне наивными выглядят некоторые политические “прогнозы” и “обобщения” по Ирану, порожденные в недрах аналитических сообществ постсоветского пространства, основанные на якобы “этнической” атрибуции того или иного иранского деятеля. Помнится, три года назад немалый ажиотаж вызвал тот факт, что лидер оппозиционного “Зеленого движения” Мир-Хосейн Мусави был родом из деревни Хамене близ Табриза. Его тут же окрестили “азербайджанцем”, а иные стали всерьез утверждать, что в случае его прихода к власти политика Ирана станет “проазербайджанской”. К тому же, - продолжали они свой “анализ”, - лидер страны Аятолла Сейййед-Али Хаменеи, ведь, тоже “азербайджанец”[29] – так что получится своеобразный “азербайджанский” тандем. И это наваждение еще долго занимало умы аналитической братии, пока страсти не улеглись в результате твердой поддержки, оказанной Хаменеи не своему земляку, “азербайджанцу” Мусави, а Махмуду Ахмади-Нежаду, выходцу из тегеранской окраины, Шабдолазима. Очень многим, в том числе западным проектировщикам цветной революции в Иране, похоже, неведомо то обстоятельство, что региональные корни никогда не были фактором в иранской политике.

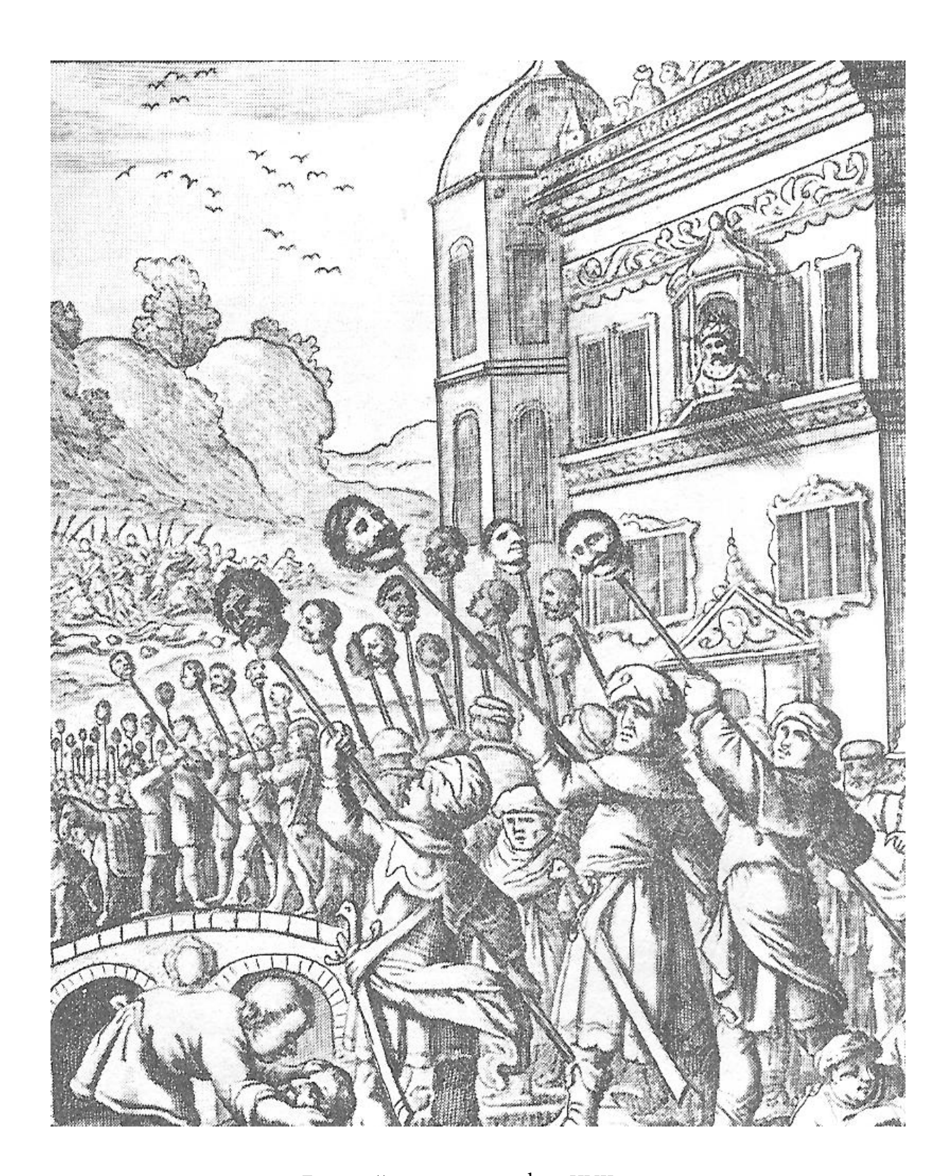
Для иранских политиков – независимо от их происхождения (например, нынешний первый вице-президент Ирана, Рахими, – курд) – приоритеты иранского государства никогда не оттеснялись на задний план никакими местечковыми интересами. Не стоит забывать, ведь мы имеем дело с державой, имеющей почти трехтысячелетнюю непрерывную историю государственности, где политическая линия – тем более связанная с вопросами целостности страны – не меняется со сменой даже самых харизматичных лидеров. А уж для выходцев из северо-западных провинций личностные мотивы или жизненные приоритеты, обуслов-

[29] Аятолла Хаменеи родился в той же деревне, что и Мусави, но вырос в Хорасане. Более объективным было бы на этом фоне считать Хаменеи, скорее, арабом – поскольку он потомок Пророка, *сейийед,* – чем “азербайджанцем” в данном понимании.

ленные их происхождением, могут выражаться разве что в мечте о пересмотре Туркменчайского договора, но не более того.

3. Несколько слов об употреблении термина *торк* ("тюрок; говорящий на тюркском наречии") в Иране. Выше я уже писал, что данный термин как некий региональный ярлык в применении к населению северо-западных провинций, говорящих в быту на тюркских наречиях, вошел в употребление только со второй половины XX века. Ранее жители этих мест обозначались, как водится, по месту жительства. Не в последнюю очередь перемена произошла благодаря иранским коммунистам, в частности, после возникновения схизмы в партии в 1945 году и создания так называемой "Демократической фракции Азербайджана" (*Фергейе демократе Азарбайджан*), которая всецело находилась под контролем советского Баку. В декабре того же года партия объявила о формировании "демократического правительства Иранского Азербайджана", которое было разгромлено властями – причем при активном участии местного населения – в конце 1946 года.

Хотя в конце XIX–начале XX в. спорадические случаи подобного словоупотребления отмечаются в литературе, тем не менее, этноним *торк* в Иране, особенно в Азербайджане (Атурпатакане), обозначал турок-османов, суннитов, принесших этой земле много бед, вплоть до массового уничтожения населения и актов геноцида, особенно в начале XX века в годы оккупации ими края. Кстати, тот же термин в применении к османцам (*османли*) в самой республиканской Турции был введен в употребление Кемалом Ататюрком. До этого обозначение *тюрок* (*türk*) в Анатолии было уничижительным ярлыком деревенщины, некультурного и необразованного человека.

Европейская литография XVII век

Ненависть к туркам-османам всегда была частью менталитета населения северо-западных провинций Ирана (“азербайджанцев”). Особенно это проявлялось в периоды ирано-османских противостояний — со времен Сефевидов и позднее. Любопытная иллюстрация: жители Табриза, держащие на копьях отрубленные головы турок после освобождения города от османских войск в 1603 г.

Между тем, в сегодняшнем Иране обозначение *торк* лишено конкретной этнической коннотации. Оно указывает – причем, опять-таки с несколько пейоративным оттенком – только на тех, кто живет в северо-западных провинциях Ирана (Азербайджане) и в быту говорят по-тюркски (*торки*). Интересный пример из личного опыта автора этих строк может наглядно проиллюстрировать и данную реальность, и утверждение о вторичном определении идентичности при изменении места жительства. Однажды в Тегеране на частном приеме у одного из депутатов иранского Меджлиса от Азербайджана, заметив, что дети общаются между собой по-персидски, я спросил хозяйку, знают ли они тюркский (*торки*) и кто она сама по происхождению. На что хозяйка ответила: "Дети - уже тегеранцы (*техрани*), говорят только по-персидски, а я тюркский знаю, - и продолжила: - *Ман ке ходам торк будам* (*букв.* "Я же была тюрчанкой")". Ясно, что "была тюрчанкой (*торк*)" значит "жила в Азербайджане (а теперь, вот – тегеранка)".

4. Теперь посмотрим, кто же такие "азербайджанцы" Ирана и каково их происхождение. Азербайджан – древняя иранская земля на северо-западе Ирана (северо-западная часть Мидии). Ее название –арабизированная форма от классического новоперсидского *Адарбадаган /Адарбайган (Āδarbādagān/Āδarbāygān)*, восходящего к среднеперсидскому *Атурпатакан* (*Āturpātakān,* арм. *Atrpatakan*). Оно относится к той категории хоронимов, которые восходят к имени предполагаемого вождя или предка-эпонима, в данном случае – к имени одного из военачальников Александра Македонского Атропата (Атурпата), впервые в 320 г. до н.э. создавшего в этом регионе крупное независимое государство. В эпоху Сасанидов Атурпатакан впервые выступает в качестве отдельной провинции, которой от имени монарха управляли марзпаны (сатрапы). Атурпатакан был одним из основных религиозных центров Ирана: здесь, в городе Шизе (ныне Тахт-е Солейман) находился первый из трех главных "Священных огней" страны – Атур-Гушнасп. В отдельные исторические периоды – после арабского завоевания края (639-643 гг.) и поз-

днее – после нашествия тюрков (XI-XII вв.) – провинция Азербайджан объединялась с Арраном и Ширваном (территория современной Азербайджанской Республики) и Арменией, что является причиной расширенного толкования понятия Азербайджан в некоторых средневековых источниках. Тем не менее, арабские географы всегда четко различают территорию Азербайджана и граничащие с нею на севере Арран и Армению. Они подразделяют провинцию Азербайджан на две административные единицы – западную, с центром в Мараге, и восточную, с центром в Ардабиле (арм. *Artawēt*), на протяжении долгого времени являвшимся самым значительным населенным пунктом провинции. В более поздний период, однако, место Ардабиля занимает Табриз (арм. *Dawrēž*).

Население Азербайджана до инфильтрации тюркских племен было исключительно ираноязычным. С середины XII века тюрки постепенно начинают заселять Азербайджан и прилегающие к нему с севера области Закавказья, изобилующие пастбищами для их многочисленных стад. В результате уже к началу XVI века эти области, за исключением Армении, в значительной степени становятся тюркоязычными.[30] С 1502 года Азербайджан становится оплотом вновь образовавшегося иранского государства Сефевидов – выходцев из Ардабиля и говоривших на местном иранском наречии *азари,* древнем языке населения Азербайджана, который сохранился вплоть до XVI века и находился в близком родстве с прикаспийскими иранскими диалектами – талышским, южно-татским, гилянским, мазандаранским, гурани и заза. По преданию, основатель династии Шейх Сафи-ад-дин Ардабили писал стихи на своем родном языке. Язык азари или, по выражению арабского историографа Мас‘уди, *ал-азарийа,* объединял, по-видимому, большое количество диалектов (по утверждению самого Мас‘уди – 70, что, вероятнее всего, преувеличение). Судя по всему, этот конгломерат диалектов так и не трансформи-

---

[30] Наиболее значительной работой по истории и географии средневекового Азербайджана–Атурпатакана и поныне остается фундаментальный труд немецкого востоковеда Пауля Шварца (см. P. Schwartz, *Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen, Bd. 8, Adarbaigan*, Stuttgart, 1934).

ровался в единый язык и исчез с исторической арены. (В такой форме существовал и язык древних кавказских албанцев. Точно в такой системе функционирует и язык нынешних курдов – массив диалектов, довольно разрозненных и порою весьма далеких друг от друга.) Часть этих языковых островков, известных под общим названием южно-татский, еще и поныне существует в Азербайджане.

Наряду с косвенными историческими данными о языке *азари*, сохранились и прямые текстовые свидетельства в виде отдельных вкраплений (цитаций) в произведениях, написанных по-персидски, образцов поэтического творчества, в том числе больше десятка стихотворных отрывков, приписываемых тому же Шейх Сафи-ад-дину – родоначальнику Сефевидов. Указанные тексты, называемые *фахлавийат-е азари*, вкупе с данными исторической диалектологии, позволяют в точности определить место этого исчезнувшего иранского диалекта в контексте окружающих его близкородственных наречий.[31] Народ, который говорил на этом языке, также назывался *азари (āδarī)* – термин, являющийся прилагательным с суффиксом *-и* от *азар* – усеченной формы от названия провинции *Аза/ербайджан.* Слово можно перевести как “азербайджанец, азербайджанский”. Оно употребляется и для обозначения тюркских диалектов этого края, а также – вследствие близости к ним диалектов, распространенных на смежных территориях севернее Аракса, – и по отношению к последним. Однако, в качестве этнонима для населения бывшей советской республики термин *азари* (или *азери*) раньше никогда не применялся. Такое словоупотребление только недавно вошло в обиход, в том числе и в нашей печати. Употребляемый же в русской простонародной речи по отношению к гражданам Азербайджанской Республики термин *азер* и его ненормативный вариант *азик* – просто сокращенная форма от “азербайджанец”, никак не связанная с термином *азари* в его историческом измерении.

---

[31] См. Г. С. Асатрян, “Заметки об *азари,* исчезнувшем языке Азербайджана”, *К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении*, Ереван, 1991, сс. 484-492.

Демографическая картина провинции Азербайджан в Иране даже после нашествия тюрков не претерпела существенного изменения: население осталось на месте, произошла лишь смена языка – точно по такой же схеме, как в случае с языковой иранизацией доарийского населения Ирана, описанной мною в начале этого повествования. Большинство путешественников X-XIV вв. (Насир Хусрав, Марко Поло, Ибн Баттута) выделяют в рассматриваемой области в основном иранский этнический элемент. Переход к тюркской речи приобрел массовый характер только после XVI века.

Проведенное недавно иранским ученым Вахидом Рашидвашем (уроженцем Мараге) антропометрическое (кефалометрическое) и генетическое исследование населения Азербайджана (Атурпатакана) показало, что азарийцы Ирана, несомненно, являются автохтонной популяцией местности и почти не отличаются от других региональных групп страны, в частности "персов" и курдов. Полученные результаты показывают, что они относятся к грацильному варианту Переднеазиатского антропологического типа южноевропеоидной ветви.[32]

Один из в высшей степени показательных признаков иранской атрибуции Азербайджана – топонимия края, которая – не считая поздних тюркских элементов с топоформантами *–ли, -кенди, -пинар и т.д.* и ряда монгольских названий (например, *Саин*, ныне *Шаин-деж* и т.д.) – целиком иранская, причем довольно архаического характера, как, например, название селения *Harzand* близ Маранда, которое, как мне кажется, восходит к древнеиранскому **arya-zantu-*, т.е. "(местность, населенная) арийским племенем" (см. выше, Гл. I, 4).

Понятно, если название городов Табриз или Ардабиль имеют однозначно иранскую этимологию, то очевидно, что население этих мест в

---

[32] См. Vahid Rashidvash, "The Race of the Azerbaijani People in Iran (Aturpatakan)", *Humanity and Social Sciences,* 2009, vol. 4 (1), pp. 53-60; он же, "The Location of Azaris on the Patrilineal Genetic Landscape of the Middle East", *Iran and the Caucasus*, vol 15.1 (2011), pp. 73-78; он же, "Multivariate Comparison of Cephalometric Traits in Iranian Azaris and Persians", *Armenian Biological Journal,* 2011, vol. 63/2.

старину не могло быть тюркским. Разумеется, тюркская речь была привнесена сюда позднее, а обитатели этих городов по всем прочим параметрам – иранцы или, скорее, автохтоны региона, принадлежащие к доиранскому этническому корпусу северо-западных областей Иранского плато. Местная топонимия, действительно, подтверждает эту истину и наличием в ней урартских элементов, то и дело проскальзывающих в мощном иранском топонимическом слое. Например, название маленького городка Уску (или Оску) на северном склоне горы Саханд юго-восточнее Табриза, отождествляемое в специальной литературе с *Ашкайа* Хорхорской летописи Аргишти I, или Ушну – с *Wiše* урартских надписей,[33] а также такие топонимы, как Сис (*Sīs*), Сиван (*Sīvān*), явно не имеющие иранской этимологии, и т.д.

Била-сувар (*Bīla-suvār*) — название местности близ Ардабиля и района в северном Талишистане (в Азербайджанской Республике), охватывающего юго-западную и южную часть Муганской равнины. Вторая часть топонима прозрачна — "всадник" по-персидски, а первая — непонятна (вряд ли тюркское *bela* "так, такой" — "такой всадник!?"). И значение композита в целом остается непонятным. Ясно, что мы имеем дело с тюркской адаптацией более раннего иранского топонима. Первоначальная форма имени, кажется, должна была быть **Pīla-suvār* "(деревня или местность, территория) великого (большого) всадника" — как почетное прозвище некоего героя или мифического образа. Слово pīl(a) (pül(a)) "большой, великий" не может быть объяснено на основе иранского; оно принадлежит к субстратному лексикону каспийского ареала и отмечено почти во всех диалектах реконструированного нами прикаспийско-атурпатаканского языкового союза — в заза (в центральной Турции, языке переселенцев из Прикаспия), в талышском, гилянском, южно-татских говорах и т.д. Без сомнения оно присутствовало и в языке

[33] См., например, I.M. Diakonoff, S.M. Kashkai, *Geographical Names according to Urartian Texts,* Wiesbaden, 1981, pp. 13-14, 101; Н.В. Арутюнян, *Топонимика Урарту,* Ереван, 1985, с. 215; С.Г. Асатрян, "Заметки о топонимии Талышистана", *Orientalia,* том 11, Ереван, 2011, сс. 29-32.

древних дейламитов — предков заза. Это слово отмечено и в гидронимии региона (ср., например, *Pūlarūd* "большая река" в Гиляне, в районе Рудсар).

Доиранская, в частности хуррито-урартская топонимия в регионе, в том числе в Атурпатакане, насколько мне известно, до сих пор не была объектом специального исследования.[34] То же самое относится и к изучению субстратных этнотопонимов и гидронимов типа *Хар-хар, Гар-гар* и т.д., отмеченных еще В.Ф. Минорским.[35] Достаточно сказать, что в целом в серьезной работе Г.А. Гейбуллаева[36] этот пласт топонимов на территории Ширвана и Аррана вообще не рассматривается.

5. Что касается граждан закавказской тюркоязычной республики (Азербайджанской Республики), именуемых азербайджанцами по официальному названию их страны, то – это недавняя история, и она хорошо известна.

Переименование в "Азербайджан" закавказских областей Арран и Ширван, входивших некогда в состав древней Албании и составлявших позднее – до советизации края – Бакинскую губернию и часть Елизаветопольской губернии Закавказского края, произошло 15 сентября 1918 года после оккупации Баку турецкими войсками под командованием Нури-паши и приглашения в город Мусаватистского правительства. Политическая подоплека этого акта предполагала объединение в будущем новообразованной республики с иранской провинцией Азербайджан.

[34] Хотя северо-западный Иран с этой точки зрения весьма успешно исследуется израильским ученым Рином Задоком (см. R. Zadok, *The Ethno-linguistic Character of Northwestern Iran and Kurdistan in New-Assyrian Period,* Jerusalem, 2002).

[35] См. Minorsky, "Mongol Place-Names in Mukri Kurdistan", *BSOAS,* vol. 19/1 (1957), p. 62, fn. 2; см. также Zadok, op.cit*.*, pp. 54, 73-74. Название города *Халхал* в провинции Восточный Азербайджан и поселка *Гаргар* (ныне в составе города Хадишахр близ Маранда) также, по-видимому, несут в себе этноним **gar-gar* (**xar-xar*). В армянских источниках, начиная с Хоренаци (V в.), гаргарейцы (*gargarac'ik'*) выступают как одно из племен Кавказской Албании. Но точный денотат этого древнего племенного обозначения до сих пор не установлен.

[36] См. Г.А. Гейбуллаев, *Топонимия Азербайджана,* Баку, 1986.

Интересен в этом отношении ответ русского востоковеда академика В.В. Бартольда одному из студентов Бакинского университета после серии лекций, прочитанных им в ноябре-декабре 1924 года на восточном факультете названного заведения. *Вопрос студента:* "Под Азербайджаном часто подразумевают персидский Азербайджан, по ту сторону Аракса, с главным городом Табризом. Имеем ли мы право называть себя Азербайджаном в этом отношении или это есть Ширван?". *Ответ академика В.В. Бартольда:* "Ширван никогда не употреблялся в том смысле, чтобы он охватывал территорию теперешней Азербайджанской республики. Ширван – это небольшая часть с главным городом Шемахой, а такие города, как Гянджа и др. никогда в состав Ширвана не входили; и если нужно было бы придумать термин для всех областей, которые объединяет сейчас Азербайджанская республика, то, скорее всего, можно было бы принять название Арран, но *термин "Азербайджан" избран потому, что когда устанавливалась Азербайджанская республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое* (подчеркнуто мною – Г. А.), так как по составу населения они имеют очень большое сходство. На этом основании было принято название "Азербайджан", но, конечно, теперь, когда слово "Азербайджан" употребляется в двух смыслах – в качестве персидского Азербайджана и особой республики, приходится путаться и спрашивать, какой Азербайджан имеется в виду: Азербайджан персидский или этот Азербайджан".[37]

О вновь созданном Азербайджане в свое время писал также один из лидеров Белого движения генерал А. Деникин: "Все в Азербайджанской республике было искусственным, "ненастоящим", начиная с названия, взятого взаимообразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимавшая лезгинские Закаталы, армяно-татарские Бакинскую и Елизаветопольскую губернии и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюркизма и панисламизма на Кавказе" (*Очерки русской смуты*).

[37] В. В. Бартольд, *Сочинения*, том 2/1, Москва, 1963, с. 703.

Пантюркистская идея аннексии исконного Азербайджана посредством присоединения его к одноименной республике на севере получила, однако, сокрушительный удар с разгромом так называемого "Демократического движения" и правительства, созданного в 1945-1946 гг. в иранской провинции Азербайджан. Попытка создания эфемерной республики в Азербайджане на почве разжигания антииранских настроений среди тюркоязычного населения этой области была полностью инсценирована в Баку тогдашним первым секретарем ЦК КП Азербайджанской ССР Мирджафаром Багировым. Этот политический акт, не имевший реальной почвы и основанный лишь на авантюризме его авторов, не получив, разумеется, поддержки народа, изначально был обречен, однако, он успел оставить кровавый след в современной истории Ирана.[38] Своеобразный художественный отголосок этого события в советской действительности можно найти у А.И. Солженицина: "...Тогда-то в отчаянии Оленька перепросилась к дряхлому профессору-ирановеду, у него писала и диссертацию, и теперь благополучно кончила бы, если б в газете не всплыл вопрос об Иранском Азербайджане. Так как Оленька *не проследила красной нитью извечное тяготение этой провинции к Азербайджану (Советскому) и чуждость ее Ирану* (подчеркнуто мною – Г. А.), то диссертацию вернули на переделку" (А. И. Солженицын, *В круге первом*).

Первые ростки процесса этнонациональной консолидации тюркоязычного конгломерата Южного Кавказа, в конечном итоге приведшего к формированию народа под названием "азербайджанцы", восходят, несомненно, ко второй половине XIX века. До этого периода говорить о существовании конкретного этноса с четким самосознанием и самоидентификацией, кроме как по конфессиональному признаку ("мусульмане", даже не "тюрки"!), не приходится. Показательно, что вплоть до XX века тюркоязычное население этого края не имело иной идентифи-

[38] Новейшую работу об этом см.: M. Ṣadrī, R. Nīkbaxt, *Peydāyeš-e ferqe-ye demokrāt-e Aδarbāyǰān (Be ravāyat-e asnād va xāṭerāt-e montašer našode)*, Tehran, 2007.

кации, кроме как “мусульмане” – достаточно заглянуть в переписи населения первой четверти прошлого столетия. Понятие “азербайджанец” отсутствует даже в переписи населения СССР 1926 года.[39]

ОПЕРА НА МУСУЛЬМАНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ТЕАТРЪ Г. З. А. ТАГІЕВА.

Въ субботу, 12-го января 1908 года

Оперными артистами театральной секціи О-ва „НИДЖАТЪ“ подъ наблюденіемъ авторовъ и при участіи любителей представлено будетъ первый разъ на мусульманской сценѣ ОПЕРА

въ 5 дѣйств. и 6 картинахъ, передѣланная изъ поэмы ФИЗУЛИ и переложенная на музыку братьями У. и Дж. Гаджибековыми.

Восточный оркестръ подъ управленіемъ Курбана. При полныхъ обстановкахъ и новыхъ костюмахъ, сшитыхъ спеціально для этой пьесы.

Для дамъ-мусульманокъ имѣются закрытыя ложи. Цѣны мѣстамъ бенефисн.

Начало ровно въ 8½ часовъ вечера.

Билеты заблаговременно продаются въ читальнѣ О-ва «Ниджатъ», а въ день спектакля отъ 10 до 2 и отъ 5 час. до окончанія спектакля.

АНОНСЪ: Въ понедѣльникъ, 14 января пред. будетъ „ГЯВЭ“.

Общій расп. А. Вели. Режиссеръ Араблинскій.

Въ субботу, 12 января 1908 г.,

въ залахъ Бакинскаго Общественнаго Собранія

состоится

Еще один замечательный пример – афиша премьеры (12 января 1908 г.) оперы Узеира Гаджибекова “Лейли и Меджнун” с показательной надписью “Опера на мусульманском языке”.

Интересно, что в то же самое время иранские (таты, талыши и курды) и кавказские (аварцы, лезгины и удины) группы, проживающие на этой территории, - будучи мусульманами (за исключением удин, исповедующих армянское христианство), имели четкое самосознание и обозначались соответствующими этнонимами.

[39] *Всесоюзная перепись населения 1926 года*, Москва, Издание ЦСУ Союза ССР, 1928-29, Том 14.

Кроме того, под термином "мусульмане" подразумевались, прежде всего, шииты. Причем, как я уже писал однажды,[40] в качестве "враждебных чужаков" (т.н. Inimical Others) – необходимого фактора для кристаллизации любой идентичности – здесь выступали отнюдь не армяне, а турки-сунниты (османы).

Фактически, процесс консолидации шиитов-тюркофонов восточного Закавказья начался именно с переименования исторических областей Кавказской Албании (Арран и Ширван) в "Азербайджан" и появлением, таким образом, нового государственного образования на этом пространстве. До этого название "Азербайджан" никогда не применялось для обозначения территорий севернее Аракса (см. предыдущий параграф).

Любопытный документ времени, составленный всего через несколько месяцев после акта переименования, показывает, какие страсти кипели вокруг этого события и как оно было воспринято в самом Иране. Это – редакционная статья газеты "Джангал" (выходившей в Гиляне, Иран) от 7 февраля 1919 года – своеобразный отклик–протест на наречение мусаватистами новообразованной республики севернее Аракса Азербайджаном. Анонимный автор статьи, - скорее всего, уроженец провинции Азербайджан: известно, что в Джангалитском движении в Гиляне (1912-1921), возглавляемом Мирза Кучек-ханом Джангали, в том числе в редколлегии его органа (газеты "Джангал"), было много иранских тюркофонов, с особой яростью выступавших против узурпации названия родного края. Для успокоения иранских патриотов, как вытекает из текста статьи, мусаватисты поначалу активно распространяли слухи о дальнейшем присоединении восточного Закавказья к Ирану, хотя планировалось все с точностью до наоборот.

Написанная в ироничных тонах статья обыгрывает сюжет известной восточной притчи. Однажды Мулла Насреддин одалживает у соседа котел и возвращает с маленьким котелком внутри – якобы с новорожденным детенышем. Сосед радостно принимает свой котел "с прибавле-

[40] См. Г. Асатрян, "Азербайджанская национальная идея: Отведено ли в ней место для нацменьшинств?", *http://www.regnum.ru/*

нием". Спустя день Насреддин опять берет котел, но на сей раз не возвращает его вовсе, сообщив соседу о кончине котла. "То, что способно родить, - говорит он, – однажды неминуемо умрет". По задумке автора, эта метафора отражает ситуацию в Закавказье. Котел – иранская провинция Азербайджан, а его детеныш - присвоивший то же название мусаватистская республика на севере. Мулла Насреддин же – правительство мусаватистов.

Далее автор поясняет (перевод – дословный – Г. А.): "Азербайджан – один из важнейших органов тела Ирана,... неотделимая часть страны,... храм древних персов, одна из древнейших исконных провинций Ирана – породил сегодня ребенка,... котел породил детеныша. Мусават подарил нам существо, расширившее территорию нашего Азербайджана... Южные вилайеты Кавказа, у которых всегда были свои исконные имена... сегодня взяли себе название "Азербайджан". Почему? С какой целью?... Разыгрывают обыкновенный спектакль и нас побуждают принять в нем участие. Какая радость, какое счастье! Котел породил детеныша. Если, присваивая себе название "Азербайджан", наши мусульманские братья с Кавказа ставят целью присоединения этой территории к Ирану, то пусть так и скажут, что (Южный) Кавказ и есть часть Ирана. К чему эти игры!...

К сведению мусаватистов: благочестивые братья! Желая обмануть нас, вы заблаговременно сообщаете, что котел породил детеныша, чтобы со временем оповестить о кончине самого котла".[41]

Что касается идеи о "разделенном народе" и об этнокультурном единстве жителей Азербайджанской Республики и населения северо-западных провинций Ирана, так активно повсюду промотируемой ныне, то достаточно сослаться на заключение покойного бакинского академика Зии Мусаевича Буниятова, творца и главного теоретика заказной историографии Азербайджанской Республики. В своем интервью газете *Баку* (21 октября 1989г.) после поездки в Иран, последний, говоря об

[41] См. Г. Асатрян, "Как котел соседа породил детеныша, или сколько лет азербайджанской нации", *http://www.golosarmenii.am/ru/20065-society/7599*

“иранских азербайджанцах”, вынужден был с разочарованием констатировать: “...Еще раз почувствовал, что единство языка – это еще не значит единство народа”. Если уж столь ярому поборнику идеи “азербайджанского единства” хватило одного визита в северо-западный Иран, чтобы осознать истинное положение вещей, то уж для объективного исследователя ситуация должна быть совершенно очевидна.

6. Возникновение и затухание этносов, народов и наций – постоянный исторический процесс. Народы возникают не в результате этнической мешанины, а путем субстратно-суперстратных наслоений, предполагающих некую этническую доминанту. Такой доминантой для формирования ядра, на основе которого сформировался азербайджанский этнос, могла быть, скорее всего, некая иранская этническая среда (очевидно, с кавказской примесью в качестве субстратного слоя), на которую наслоился тюркский суперстрат. Среда эта была наверняка юго-западного иранского характера, типа персидской – осколки ее, избежавшие тюркизации, сохранились по сей день в виде ираноязычных татов на территории Азербайджанской Республики (т.н. южные таты сюда не относятся: они, как было отмечено, принадлежат к “мидийской” группе). Некоторое участие в процессе этнообразования ныне титульного населения Азербайджанской Республики принимали, несомненно, и адстратные (побочные) этнические элементы – армянский, кавказский и, позднее, курдский. Что же касается парфян, албанцев и, тем более, мидийцев, то они ко времени сложения указанного этнического ядра уже давно сошли с исторической арены. Главным же наследием тюркского суперстрата остается, фактически, только язык: в антропо-генетическом плане этот слой тюркского ингредиента оставил почти незаметный след в соматическом облике азербайджанского этноса. Согласно проведенному анализу советского антрополога Л. В. Ошанина, по признаку процентного наличия эпикантуса – основной характеристики монголоидной расы, свойственной тюркским народам, – вырисовывается следующая картина: (у мужчин) у киргизов – 51%, у казахов – 22%, узбеков –

11%, у туркмен – 6%, а у азербайджанцев - 2% и ниже; (у женщин) у киргизов – 83%, у казахов – 53%, узбеков – 18%, у туркмен – 10%, а у азербайджанцев - ноль процента. При этом, у турок Турции оба показателя равны нулю, т.е. в генетическом облике этого народа элементы тюркскости и вовсе отсутствуют.[42]

7. Вообще, что такое этнос? Говоря простым языком, это — сообщество связанных общей исторической судьбой людей, четко осознающих свое отличие от других и имеющих единое самосознание и общую культуру в широком смысле этого слова. При этом, ни соматические качества (т.е. антропологические характеристики), ни язык и ни религия не являются решающими факторами для определения этноса. На основе единого этногенетического, языкового и культурного субстрата – в силу определенных исторических причин – могут возникнуть разные этносы, иногда даже пребывающие в извечном антагонизме по отношению друг к другу. Например – сербы и хорваты, евреи и арабы, поляки и русские, киргизы и узбеки и т. д. И, наоборот, очень пестрый этноязыковой субстрат может породить абсолютно иной этнос, тяготеющий, к тому же, к совершенно чуждой местному культурно-историческому ландшафту этнической стихии. Яркий пример этому – турки Анатолии, в которых, как мы увидели, нет “ни капельки тюркской крови”, но по самосознанию – это этническая общность, считающая себя венцом тюркского мира. Чисто генетически и, несомненно, по культурным параметрам, турки стоят ближе всего к балканским народам и армянам, но основной элемент их национального мировоззрения сегодня – идея общности с тюрками Центральной Азии, хотя, кроме родства языков, ничего общего между ними и, скажем, киргизами и казахами нет. Это – в корне разные народы.

Ясно, что родство (даже тождественность) языков – далеко не достаточный критерий для определения родства народов и этнических

[42] Л. В. Ошанин, apud: I. Diakonoff, “Language Contacts in the Caucasus and in Near East”, *When Worlds Collide*, Ann Arbor, 1990, p. 55.

групп. И в этом Зия Буниятов был, конечно же, прав. Иначе, например, граждан Таджикстана и Ирана можно было объявить эдаким "разделенным" между двумя государствами народом. То же самое можно сказать о титульных народах Азербайджанской республики и Турции. (Уверен, никто всерьез не воспринимает лозунг "один народ – два государства", декларируемый на официальном уровне, но абсолютно чуждый общественному сознанию и турок, и азербайджанцев. По сути, речь не может идти не только о едином народе, но и о народах, связанных узами дружбы и взаимного доверия – если бы не фактор Армении, глубокий антогонизм и противоречия между этими двумя совершенно разными этносами проявились бы давно и более отчетливо. – см. следующий параграф.)

И уж, понятно, нельзя называть любого говорящего на каком-либо тюркском наречии в Иране "азербайджанцем" или "турком".

8. Об иллюзорном этнокультурном единстве титульных народов Турции и Азербайджанской Республики и "азербайджанцев" Ирана очень хорошо и объективно написано в совсем свежей публикации турецких авторов Чакира Джейхана Сувари и Элиф Канджи под говорящим названием "Турция и Азербайджан: К мифу об общем происхождении и культуре". Приведем несколько выдержек из этой статьи.[43]

Можно ли всерьез утверждать, что турки и азербайджанцы представляют единую и однородную этническую группу, основываясь на тезисах об общем происхождении, общей культуре и общей исторической памяти, широко разрекламированных в современном азербайджано-турецком общественно-политическом дискурсе? Исторически население Аррана и Ширвана (т.е. нынешней Азербайджанской Республики) и тюркоязычные обитатели северо-запада Ирана, атурпатаканцы (которые и есть истинные азербайджанцы), в течение многих веков, особенно в Сефевидский период, были в постоянных враждебных отношениях с ос-

[43] См. Çakır Ceyhan Suvari, Elif Kanca, "Turkey and Azerbaijan: On the Myth of Sharing the Same Origin and Culture", *Iran and the Caucasus*, vol.12.2 (2012), pp. 249-250.

манскими турками. Эти группы, т.е. население Атурпатакана (в северо-западном Иране) и юго-восточного Кавказа (граждане сегодняшней Азербайджанской Республики) и османские турки находились не только в постоянной борьбе друг с другом, но и были носителями двух разных идеологий – соответственно шиитской и суннитской. Следовательно, "общая историческая память" этих народов может содержать разве что рефлексии о взаимной вражде, войнах и резне... Народ нынешней Азербайджанской Республики никогда не был лоялен к туркам и к тюркскости (Turkishness)...

Материалы турецких учебников и публикаций по истории ясно показывают, что вековой антагонизм между двумя тюркоязычными этносами (турками и азербайджанцами – Г.А.) с разными историческими, этническими, культурными и религиозными субстратами и сформированными в двух отдельных географических средах, еще существует, и поэтому перспективы создания общей национальной идеологии на этом фоне выглядят весьма смутными. Общие клише о "единой нации", об "одном народе – двух государствах", "братстве" и т. д. – показатели, скорее всего, некоего "отчуждения" ("Otherisation"), не более того.

Турция помещает свою идентичность в центр тюркского мира. Турецкий язык также занимает центральную позицию, а азербайджанский деградирован до диалекта турецкого, став, при этом, объектом юмора и шуток. Турецкие учебники изображают Азербайджан не как независимую страну, а как образование рангом ниже Турции...

Подобное "братство", основанное на чистом политическом расчете, разумеется, не может продолжаться вечно. Реалии, ведь, меняются, и этому обязательно придет конец, особенно после налаживания армяно-турецких отношений, которое находится в русле интересов региональной политики Турции и к чему настойчиво призывают центры мировой политической силы.

Туркменка из Торкаман-сахра - провинция Голестан (фото автора)

IV. Таты

1. Термин "тат" (*tāt*) – обобщенное определение ряда ираноязычных образований, на самом деле не связанных общим происхождением и культурой. Изначально экзоэтноним – так тюрки называли представителей ираноязычных анклавов в своем окружении, – *тат* впоследствии стало и самоназванием последних. По форме это – редупликация звукоподражательной основы *та-*, возможно, указывающая на того, кто плохо владеет тюркским языком или имеет некую особенность – дефект речи и тому подобное. Так тюрки могли маркировать *ираноязычие* – главным образом не говорящих или плохо говорящих по-тюркски иранцев. (Наглядный аналог подобного этнонима – название *заза* (букв. "заика, имеющий дефект речи"), которым курды Анатолии обозначали народ *дымли,* ставшее впоследствии и одним из автонимов дымлийцев.[44])

Сами таты называют свой язык *парси,* т.е. "персидский". Нет сомнений, что первоначально и самоназвание татов было *парс, "перс".*

Таты-мусульмане и таты-иудеи, проживающие в Азербайджанской Республике и южном Дагестане, а также армяно-таты, жившие некогда в селениях Мадраса Исмаилинского района и Кильвар Дивичинского района Азербайджана, а ныне изгнанные из родных мест, говорят на очень близких диалектах единого языка, известного как татский. Но этнические корни этих трех групп, разумеется, разные. Более того, татами именуется также население большого числа сельских районов южнее реки Аракс в иранских провинциях Восточный Азербайджан и Западный Азербайджан, Занджан и Казвин. Язык татов Республики Азербайджан и Дагестана отличается от языка татов северо-западных провинций Ирана. Это – диалект, восходящий к юго-западному массиву новоиранских наречий, некая разновидность персидского на Кавказе. Однако, язык

[44] См. G. Asatrian, "Dimilī: People and Language", *Encyclopaedia Iranica,* vol. VII, New York, 1995, pp. 405-411.

иранских татов – “мидийский” диалект. Последний, называемый также новоазарийским, очень близок к талышскому; на нем некогда говорило все население Атурпатакана, в том числе предки Сефевидов. Сохранились, как уже отмечалось, поэтические отрывки на азари, сочиненные основателем династии Шейх Сафи-ад-дином Ардабили. Для дифференциации этих двух татских групп язык кавказских татов в специальной литературе называют северотатским, а Ирана – южнотатским.

Таты-иудеи (горские евреи) принадлежат к числу персоязычных еврейских общин, расселенных в различных частях Ирана (Исфахан, Боруджерд, Кашан, Мешхед и т. д.) и Средней Азии (Бухара).

Еврейские поселения на Кавказе имеют очень давнюю историю. Талмуд (TJ, Meg. 4, 5, 75b) упоминает иудейскую общину в Дербенте еще в III веке до н.э. Однако, таты-иудеи вряд ли являются потомками древних еврейских колоний на Кавказе, как утверждает Еврейская Энциклопедия (см. *Encyclopaedia Judaica*, vol. 10, p. 442; vol. 12, p. 478); это — результат сравнительно поздней волны миграции евреев в регион. Иначе бы сегодня они говорили на одном из дагестанских языков, а не на новоиранском диалекте юго-западной (“персидской”) группы. Грузинские евреи, например, представляющие, видимо, наиболее ранний пласт иудейского присутсвия на Кавказе, полностью грузиноязычны. Переселение татов-иудеев из Ирана в Дагестан и на юго-восточный Кавказ должно было произойти не раньше IX-X вв. н.э., т.е. к закату Хазарского каганата, принявшего в то время иудаизм как официальную религию.

Вероятно, таты-иудеи составляли некогда ощутимый по численности этнический элемент в Дагестане и на юго-восточном Кавказе. Голландский путешественник XIII века отмечает наличие значительного числа евреев в Дербенте. Неслучайно в еврейско-татском языке (Judaeo-Tat) Дагестан называется *Čufūt-dāγ* (или *Juhūd-dāγ*), т.е. “Еврейская гора”. В русской хронике XIV века юго-восточный Кавказ обозначается как Жиды – “земля евреев”

Армяно-таты исповедают христианство армяно-григорианского толка, носят армянские имена и фамилии и считают себя армянами. Но их

происхождение довольно спорно. Они могли бы быть иранцами, принявшими армянское христианство, и армянами, перешедшими на персидскую (татскую) речь. Но второе предположение, конечно, ближе к истине.

Женщина тат (фото XIX века; источник – ethnolog.ru)

Происхождение не идентифицировано: женщина в равной степени может быть иудейкой, мусульманкой или армянкой

2. Что касается татов-мусульман Кавказа, то их обычно считают потомками иранцев, переселенных в этот район Сасанидами, с чем сложно

согласиться. Конечно, иранский этнический элемент всегда присутствовал на Кавказе и особенно в Закавказье, но трудно предположить, что сасанидские персы могли сохранить свой язык и идентичность в течение более полутора тысячелетий. Во всяком случае, их язык должен был бы иметь архаичные черты среднеиранского периода с явным кавказским ингредиентом, как в осетинском. Между тем, сегодняшний северотатский (в трех своих вариантах — мусульманском, иудейском и армянском) – типичный новозападноиранский продукт, явно сформированный в среде родственных диалектов. Следов восточнокавказского субстрата в этом языке не обнаружено.

Таты-мусульмане Южного Кавказа – скорее всего, потомки иранцев Апшеронского полуострова (Аррана и Ширвана в целом), которые впоследствии составили один из главных субстратных слоев нынешнего азербайджанского этноса. Но это уже результат поздних этнодемографических процессов, происходивших с X века н.э. и особенно в Сефевидский период и позднее. Государство Ширваншахов было, собственно, татским по своим этнокультурным характеристикам. Именно поэтому и Шемахи стал основным центром персоязычной литературы и культуры на Южном Кавказе.

А вообще, все так называемые азербайджанцы Апшеронского полуострова, а также южного Дагестана, Дербента, Махачкалы и т.д., – судя по всему, тюркизированные по языку таты-мусульмане, еще в XIX веке говорившие на своем родном языке.

V. Перспективы “Азербайджанского проекта”

1. Истинные политические цели и мотивы переименования Аррана, в общем-то лежащие на поверхности и не требующие глубокого анализа, всегда вызывали негативную реакцию в Иране. Наличие одноименной государственной единицы к северу от Аракса иранской общественностью воспринимается чрезвычайно болезненно. Оно и по сей день является темой постоянных обсуждений и яростной критики иранских авторов, в том числе выходцев из провинции Азербайджан.[45] Данная проблема довольно остро ставилась, например, в трудах известного иранского ученого (также выходца из Азербайджана) Ахмаде Касрави-Табризи.[46] (Кстати, Касрави отличался арменофильскими настроениями и был одним из первых в иранской действительности ученых, привлекавших в своих исследованиях армянские материалы.[47]) Можно упомя-

[45] В этом плане наиболее примечательна работа профессора Э. Реза, вышедшая около двух десятилетий назад в русском переводе автора этих строк (см. Э. Реза, *Атурпатакан и Арран*, перевод с персидского, предисловие и дополнения Г.С. Асатряна, Ереван, 1993; переиздана в Москве в 2011 г. - *http://www.kvadriga-izdat.ru/index.php/component/content/article/32-languages/30-news4, http://az-ar.narod.ru/az-ar_1.html*).

[46] Постоянное муссирование в Азербайджанской Республике бредовых идей о, так сказать, “разделенном народе”, о 30- или 20-миллионном азербайджанском меньшинстве в Исламской республике Иран и т. п. объективно расценивается в иранском обществоведении как инструмент формирования тюркского самосознания у населения северо-западных провинций страны. Это явление персидские обществоведы и политические аналитики называют *hovvīyyat-sāzīye maṣnūʻī*, то есть “искусственное создание идентичности”.

[47] Армения и армяне занимают заметное место в иранской национальной идее. Арменофильство – один из ключевых элементов этой идеи. В то же время важной характеристикой армянской общественно-политической мысли является осознание весомой роли Ирана в становлении и укреплении армянской государственности. Армения в умах иранских патриотов всегда выступала как страна, окутанная неким ореолом “арийской” древности, а армяне – как это ни парадоксально – как носители традиционной исторической ценностной системы домусульманского Ирана. В любом случае, знаковое отношение иранцев к

нуть и некоторых других современных авторов, по большой части выходцев из тюркоязычной среды северо-западного Ирана: Энаят-олла Реза, Джалал Матини, Абдол-Али Каранг, Йахя Зока, Бижан Саркарати, Заряб Хойи, Мехри Багери, Жале Амузгар и многие другие. Показательно, что среди паниранистов и апологетов иранского единства в Иране заметное число составляют именно уроженцы Азербайджана (Атурпатакана).

Означает ли сказанное, что тюркизм полностью чужд идейному ландшафту северо-западных провинций Ирана? И что пантюркисты – турецкие ли, закавказские ли – не имеют здесь своих последователей? Разумеется, нет. Ибо генетические корни, конфессиональная общность, общая история и культурные традиции никогда не были достаточным основанием для политической ориентации той или иной группы. В данном случае, даже мощный паниранистический накал, свойственный этой части Ирана, как контактной зоне, возможно, даже в большей степени, чем остальным, не всегда может стать преградой на пути проникновения пантюркистских идей. Прежде всего потому, что паниранизм – культурный феномен, возникший как идейное осмысление – умеренно-объективное или гипертрофированное – вклада иранской ойкумены в мировую цивилизацию, тогда как пантюркизм – явление сугубо политическое, созданное и насаждаемое в качестве идеологического обоснования экспансионистского вектора тюркоязычных государств Переднеазиатского региона (прежде всего Турции).

армянам и *vice versa* – нечто больше, чем результат адекватной оценки и понимания действительно серьезной роли другой стороны в геостратегической перспективе собственного народа и государства. Как-то, в конце восьмидесятых прошлого века, мой учитель Владимир Аронович Лившиц, впервые вступив на армянскую землю, с удивлением заметил: “Это же кладезь парфянских древностей, я как будто в Парфии!”. Эти слова из уст ученого, посвятившего всю свою жизнь изучению иранской старины, дешифровщика и издателя парфянских документов из Нисы, – очень четкая характеристика ирано-армянского культурно-исторического синкретизма, сохранившего многие утерянные в самом Иране элементы иранской архаики. Возможно, именно эта природа армянской культуры и навеивает ностальгические чувства у иранских интеллектуалов по былому величию Ирана.

Тем не менее, тюркистской идеологии на массовом уровне в Иране не существует. Нет "тюркистов" и среди политических деятелей – ни национального, ни провинциального масштабов. Готовых разыграть тюркистскую карту можно найти, пожалуй, разве что среди недовольных режимом отдельных второстепенных фигур.

2. Турки, а теперь и их союзники в Закавказье, прилагают огромные усилия для распространения идей тюркизма в северо-западных провинциях Ирана. Турецкие и азербайджанские власти зазывают на льготных условиях в свои ВУЗы молодежь из этого региона, пытаясь создать интеллектуальную базу для распространения сепаратистских веяний. Кроме того, после Исламской революции в результате массовой эмиграции из страны оппозиционно настроенных режиму иранцев на Западе (в Европе и США), наряду с земляческими центрами региональных групп (исфаханцев, хорасанцев, луров, бахтияров, курдов и т.д.), образовалось и немалое число так называемых "азербайджанских обществ". Будучи изначально сугубо культурными иранскими организациями, со временем некоторые из них приобрели "национальный" характер и, получая серьезную финансовую поддержку из заинтересованных источников, стали в большинстве своем очагами пантюркистской пропаганды и лоббирования на Западе.

Создан "Всемирный конгресс азербайджанцев", имеющий в составе руководящего органа и представителей так называемых "южных азербайджанцев" – исключительно из числа незначительных, но амбициозных людей, имевших в разное время проблемы с режимом и властями или просто не сумевших удовлетворить свои амбиции. Об этих "членах Когресса" (и прочих подобных организаций типа "Форума тюрков южного Азербайджана"), зачастую "отягощенных" выданными в Баку титулами "доктор" или "профессор", иранцы узнают только по зарубежным "голосам", вещающим на Иран. Подобных "конгрессменов", для придания им политического веса, порой командируют в США, где их

принимают в Госдепе и других политических институтах. И все это активно тиражируется СМИ.

В мае 2012 года в атмосфере антииранской истерии в одном из отелей Анкары участниками “Первого форума тюрков Южного Азербайджана” был создан так называемый “Национальный совет тюрков Южного Азербайджана”. К участию в деятельности данной организации, как было объявлено, планируется привлечь “представителей всех ведущих партий и общественных организаций Южного (иранского) Азербайджана”.[48] Примечательно также, что в “Совет” вошли представители многих партий и общественных организаций Азербайджанской Республики, включая откровенно проправительственные, а также лидеры двух формально оппозиционных партий, представленных в азербайджанском парламенте.[49]

Можно предположить, что на поверку все эти “политики” и “общественные деятели” будут мало чем отличаться от вышеупомянутых “докторов” и массы рядовых фантомов, что, по расчету бакинских политтехнологов, призвано создать видимость массовости организации.

В том же русле проходят ежегодные “паломничества” отдельных тюркистов – пару десятков, не более – к руинам исторической крепости Базз в районе Калейбар, основной резиденции предводителя Хуррамитского движения Бабека (начало IX в.), провозглашенного в Баку национальным героем “тюрков-азербайджанцев”. В азербайджанской пропаганде эти хождения к руинам представляются как протестные митинги сотен тысяч (а иногда и миллиона (!) человек). Сам факт того, что Бабек не был тюрком и в начале IX века тюрков в регионе не было вообще, в данном случае несущественен.[50]

---

[48] См. Р. Миркадыров, “В Анкаре создан Национальный совет Южного Азербайджана. История представляет нам еще один шанс”, *Зеркало* (2012, 15 мая).

[49] Там же.

[50] Арабские, персидские и армянские источники этого периода однозначно указывают на то, что Бабек Хуррамдин происходил из прикаспийской иранской среды, возможно, из Дейлама. Родился он, однако, в селении Белалбанд близ Ардабиля, что делает версию о его талышском происхождении вполне вероят-

Руины исторической крепости Базз (фото автора)
Основная резиденция предводителя Хуррамитского движения Бабека (начало IX в.), провозглашенного в Баку национальным героем “тюрков-азербайджанцев”.

Несмотря на все это, для порождения даже мало-мальски существенных сепаратистских настроений на северо-западе Ирана нет ни демографической базы, ни культурно-исторических предпосылок, ни соответствующей идейной атмосферы, ни, в конце концов, завершенной идеологии. Не может же рассматриваться в качестве таковой сиюминутное

ной (см. подробно: Г.С. Асатрян (ред.), *Введение в историю и культуру талышского народа,* Ереван, 2011, сс. 61-63). Известно, что этническая территория талышей доходила до Ардабиля, включая Калейбар (находяшийся у подножия крепости Базз), Вилькидж (ныне - Намин) и окрестные районы. Часть талышей, и поныне живущих здесь, говорят по-тюркски, хотя сохраняют свою идентичность. Вся иранская топонимия местности – также талышская, начиная с названия главного города региона, Ардабиль, с показательным талышским топоформантом *–bīl/-vīl* “город, поселение” (из древнеиранского **waitī-*) и заканчивая названиями Калейбар (из *kalē*, косвенного падежа талышского *kal(a)* “крепость” и *bar* “дверь”, т.е. “врата крепости”) и Вилькидж (дословно в талышском: “город (поселение) горцев”, из *vīl* “город” и *kīǰ*, восходящего к среднеиранскому *kōfēč* “горец”).

стремление услужить Западу в деле насильственного и кровавого разделения Ирана, о чем недвусмысленно проговаривается автор публикации в газете "Зеркало": "...В современном глобальном мире любая национально-освободительная борьба только в одном случае может иметь шанс на успех , если будет поддержена со стороны сильных мира сего, а в данном конкретном случае Запада, и прежде всего США. Проще говоря, мы должны доказать, что создание независимого Южного Азербайджана никак не противоречит геополитическим интересам Запада, а наоборот...".[51]

Посему, попытки вовлечь азарийцев – население Атурпатакана – в орбиту так называемого "всеазербайджанского котла" (термин одного бакинского муаллима) с угрозами денонсировать Туркменчайский договор (хотя не они его подписывали) или даже переименовать республику в Северный Азербайджан могут, скорее, спровоцировать ответное вмешательство Ирана во внутренние дела Азербайджанской Республики и, как следствие, привести к росту авторитета духовенства в ней. Все это – на фоне всеобщего неприятия правящего режима – без сомнения создаст предпосылки нежелательных для азербайджанских властей развитий как в плане усиления антиправительственных настроений, так и усугубления и без того не простой межнациональной ситуации в республике.

По поводу теоретического допущения создания "Великого Азербайджана" за счет отделения северо-западных иранских провинций в политических кругах Ирана шутят, ссылаясь на известную легенду о рождении Рустама, в которой эпический герой сам втягивает в утробу родительницы несчастную повивальную бабку, пытающуюся извлечь его из чрева матери. Авторство этого действительно удачного сравнения приписывается президенту Иранской Академии персидского языка и словестности, бывшему председателю Меджлиса профессору Голам-Али Хаддаде-Аделю.

---

[51] Р. Миркадыров, указ. соч.

Талышка из Калейбара (см. примеч. 50) (фото А. Арушанян)

Авторам "Азербайджанского проекта" следовало бы, скорее, направить свои усилия на сохранение целостности самой Азербайджанской Республики. Ведь, в отличие от своего гигантского южного соседа – исторически целостного организма, это наспех сконструированное искусственное многонациональное образование зиждется на сомнительном углеводородном ресурсе и еще более сомнительной этнонациональной и культурной идеологии.

VI. Белуджи, курды и гураны

1. Белуджи, живущие в крайней юго-восточной провинции Ирана, Систан-Балучестане, составляют, по существу, не более одного миллиона человек – из общего числа населения провинции, 2 405 742, согласно переписи 2006 года. Социальная структура белуджей основывается преимущественно на племенной системе. Большинство белуджских племен Ирана – *риги, наруи, ярахмадзай, исмаилзай* (*шахбахш*), *баракзай* (афганского происхождения), *магаси, нуширвани, мирбалучзай* (курдского происхождения), *абдулзай* и т.д. – оседлые земледельцы, за исключением некоторых групп в Макране, ведущих кочевой образ жизни. Белуджи есть и в Афганистане, но основная их часть живет в Восточном Белуджистане, на территории Пакистана, хотя этническая территория белуджей находится именно в Иране. Отдельные белуджские поселения отмечены и в Хорасане (ответвление племени *риги*).[52]

Белуджистан – наиболее отсталый край Ирана, что обусловлено не только климатическими условиями, но особой внутриполитической ситуацией, царящей в этом регионе. Активная деятельность белуджских националистических группировок, прежде всего “Джиндоллах” (или “Движение борьбы белуджского народа”), поддерживаемая из-за рубежа, преимущесвенно из США, постоянно накаляют обстановку многочисленными акциями террора и убийств. Вот лишь некоторые, наиболее кровавые из них: взрыв в шиитской мечети в Захедане 16 июля 2010 г. (убито 20 человек, сто раненных) и взрыв в городе Чабахар 15 декабря того же года (погибло 39, ранено более 200 человек).

Иранские власти решительно пресекают деятельность террористов. Так, 20 декабря в провинции Систан-Белуджистан были казнены 11 че-

[52] См. один из последних трудов по белуджам с подробной библиографией: C. Jahani, A. Korn (eds.), *The Baloch and their Neighbours. Ethnic and Linguistic Contact in Balochistan in Historical and Modern Times,* Wiesbaden, 2003.

ловек, готовивших теракты. Все осужденные на смертную казнь входили в экстремистскую группировку “Джиндоллах”.[53]

Белудж из племени *исмаилзай*
(фото А. Арушанян)

Генезис подобной ситуации связан не только с белуджским национализмом, который возник в Пакистане и преследует создание независи-

[53] “В Иране 11 человек повешены за подготовку терактов”, *http:/top.rbc.ru/incidents/20/12/2010/518185.shtml* (дата обращения: 06.06.2012).

мого Белуджистана, но и с вековым суннитско-шиитским противостоянием, актуализированным ныне во многом из-за недальновидной политики иранских властей и чрезмерной активности шиитского духовенства. Отсутствие четкой политики иранского руководства в сфере урегулирования межконфессиональных противоречий, обусловленное, возможно, излишним упором на шиизм и попытками прозелитизма среди суннитов, в том числе в курдоязычном ареале, действительно создает иногда конфликтные ситуации и вызывает обоснованное недовольство населения.

В действительности же белуджский национализм,[54] как, впрочем, и курдский, не имеет корней в Иране. Основной линией раздела остаются, по сути, конфессиональные противоречия. Это хорошо видно на примере курдов-шиитов, которые в начале Революции принимали активное участие в подавлении курдов-суннитов, восставших на севере провинции Курдистан. То же самое можно сказать и о белуджах-шиитах. Среди белуджей или курдов, исповедующих шиизм, практически нет таких, которые не считали бы себя иранцами. Более того, в числе наиболее активно ратующих за всеиранское единство – даже с некоторым оттенком национального ("арийского") высокомерия – выходцев из курдских или белуджских регионов (как, собственно, и "азербайджанцев") значительно больше, чем так называемых "персов".

Однако, отдельные проявления шиитско-суннитского антагонизма в Иране является не только и даже не столько результатом плохого политического менеджмента. Роль внешнего фактора представляется серьезным исследователям здесь куда более существенной. Так, лидер белуджских террористов Абдулмалик Риги в 2010 году был захвачен спецслужбами Ирана, находясь среди пассажиров самолета киргизской авиакомпании "Исток-авиа", следовавшего по маршруту Дубай – Бишкек. Риги признался, что на американской базе в бишкекском аэропорту "Манас" он собирался встретиться с официальными лицами из США. Лидер

[54] См. одну из последних работ о белуджском национализме: Taj Mohammad Breseeg, *Baluch Nationalism: Its Origin and Development,* Karachi, 2004.

“Джиндоллах” должен был получить от них “деньги и инструкции”. Иранское интернет издание Press-TV добавило к этому, что Риги во время полета в Бишкек сопровождали представители спецслужб Киргизии.[55]

Есть и примеры иного рода, зачастую малоизвестные, но весьма поучительные, особенно в контексте этноконфессиональной резни, методы которой уже в “полевых” условиях обкатывались в 2011-2012 гг. в Сирии. Например, уже довольно долго в Лондоне, как бы по частной инициативе (sic!), действует круглосуточно вещающий на Иран спутниковый телеканал “Ахл-и-байт”, призванный, якобы, защитить чистоту шиитской догматики от суннитских посягательств. Постоянный ведущий этого канала, некое духовное лицо (судя по говору и скуластому лицу с раскосыми глазами – афганский хазареец), целый день в буквальном смысле с пеной у рта обвиняет суннитов в ревизионизме и отходе от истинного пути ислама. Ему то и дело “звонят” из target regions “шииты”, обливающие грязью суннитов, и, соответственно, “сунниты”, отвечающие на выпады шиитов. Господин же ведущий, разумеется, страстно защищает позицию своих телезрителей-“шиитов”, стараясь в комических потугах быть “объективным”. Спектакль, да и только!

2. Действительно, для провоцирования конфликтных ситуаций в Иране заинтересованные зарубежные круги делают основной упор именно на искусственное разжигание вражды между шиитским большинством и суннитским меньшинством в “проблемных” регионах страны. Помимо белуджского, таковым является курдоязычный ареал, который регулярно подвергается внешнему воздействию со стороны как зарубежных центров влияния, так и родственной массы, находящейся по ту сторону ирано-иракской границы.

---

[55] См., напр.: А. Князев, “Геополитика Турции и мозаика американского проекта *Большого Ближнего Востока*”, *http://www.fondsk.ru/news/ 2011/04/03/ geopolotika-turcii-i-mozaika-amerikanskogo-proekta-bbv.html*

Курдиянка из Западного Азербайджана
(N. Kasraian, Z. Arshi, *Kurds of Iran,* Tehran, 1993)

Основная часть курдского населения Ирана живет на северо-западе страны, в западной части провинции Западный Азербайджан к востоку и югу от озера Урмия, а также в провинции Курдистан и в округе Касрэ-ширин в провинции Керманшах. До 100.000–150.000 курдов, отчасти персоязычных, проживают также на востоке Ирана – в северном Хорасане, куда были насильственно переселены в самом конце XVI века Шах-Аббасом.[56] Часть их впоследствии перебралась на территорию нынешней Туркменской Республики. Немногочисленные группы курдов зарегист-

[56] Автор недавной обобщающей публикации по хорасанским курдам определяет их число в пределах одного миллиона человек, что является большим преувеличением (см. ‘A.-‘A. Madih, “The Kurds of Khorasan”, *Iran and the Caucasus,* vol.11.1 (2007), pp. 11-31).

рированы также в Кермане, в западном Луристане, в центральном Иране – в Фарсе и на юге – в Белуджистане.

Если считать, что общее число населения провинций Курдистан и Керманшах составляет 3.319.541 человек (по переписи 2006 года), то, учитывая наличие более полумиллиона гуран (см. следующий параграф) и около 800.000 персоязычных в этих провинциях, количество курдов в ареале можно определить в пределах двух миллионов человек. С учетом еще двух миллионов, живущих в Западном Азербайджане, получается четыре миллиона, как наиболее близкое к истине количественное определение курдов в Иране. Сюда легко помещается примерно 100.000–150.000 курдов в Хорасане и в других частях страны. Курдская атрибуция племенной группы *лак* в провинции Илам, южнее Керманшаха, очень сомнительна, хотя курдские круги, как обычно, огульно причисляют их к курдам. На самом же деле, судя по языку,[57] лаки, скорее всего, ответвление луров с некоторой курдской примесью.

По культуре и языку к курдам Ирана тесно примыкают иракские курды – почти той же численностью, – говорящие на смешанных южно-курдских диалектах и резко отличающиеся от северо-курдского конгломерата в Турции и Сирии.

Девять десятых курдов Ирака проживают в северных и северо-западных районах страны, образующих Иракский Курдистан. Ныне это зона так называемого Курдского регионального правительства, полунезависимого образования в составе Ирака.

В Сирии курды (около полутора миллионов) сосредоточены в основном в горных районах севера (в Алеппо, Хасаке, Камишли, Раʿс-ел-айн и т.д.) и на северо-востоке. В некоторых пунктах курдские территории Сирии примыкают к соответствующим районам Турции и Ирака.

В Турции курды компактно живут в восточных, северо-восточных и юго-восточных районах, включая всю территорию исторической Западной Армении. Значительное количество курдского населения прожива-

---

[57] См. F. Shahsavarı, "Lakī and Kurdısh", *Iran and the Caucasus,* vol. 14.1 (2010), pp. 79-82.

ет также в Анатолии – к востоку от Сиваса, к югу от Амасии, в окрестностях Анкары, Мараша и Киршехира. За вычетом 4-5 миллионов заза – отдельного иранского этноса, населяющего в основном Тунджели (Дерсим) и окрестные районы, - общее число курдов в Турции не может превышать 7 миллионов человек.

Несколько десятков тысяч курдов проживают и в странах СНГ, в основном в Азербайджане и Туркмении. Курдоязычное население Армении и Грузии состоит главным образом из езидов, этноконфессиональной группы, принадлежность которых к курдской массе, вопреки языковой общности, представляется спорной.[58]

Название "Курдистан" как географическая единица возникло, по-видимому, в XII веке во времена правления сельджукского султана Санджара и вначале относилось к территории, расположенной между Атурпатаканом и Луристаном. Впоследствии границы его неоднократно менялись, однако понятие "Курдистан" никогда не имело политического смысла. Термин и поныне имеет лишь значение "место проживания курдов", как, например, хоронимы Белуджистан, Хузистан.

Основная форма социальной организации курдов – племя. Есть и внеплеменные курды – горожане, жители деревень, занимающиеся сельским хозяйством и т.п., которых называют *курмандж*, *мискен* или *горан*.[59] Интересно, что в социальной иерархии курдского общества этой категории людей отведена низшая ступень (например, высшая оценка мужчины – *куррэ аширэ* – "сын, дитя племени, *ашире*та"). Племя – *кабил* (*кабилэ*) – состоит из больших родов и семей, объединенных реальными или предполагаемыми родственными узами. Племена образуют объединения или конфедерации – *ашире*ты (араб.-перс. *ашир, ашире*). Патриархальные отношения в курдских племенах и сегодня, как и в

---

[58] См. подробно: В. Аракелова, С. Давтян, "Езиды: Вектор этничности", *Iran-namē – Armenian Journal of Oriental Studies, vol.* 41 (2009), Yerevan, 75-84; V. Arakelova, "Ethno-religious Communities: To the Problem of Identity Markers", *Iran and the Caucasus*, vol. 14.1 (2010), pp. 1-18.

[59] *Курмандж* и *горан* выступают одновременно и как племенные названия (см. ниже).

прошлые века, чрезвычайно прочны и незыблемы: авторитет главы аширета или племени абсолютен, а его приказы не подлежат обсуждению. В руках главы племени сосредоточены основанные на обычном праве исполнительная и судебная власти. Во многих случаях политическая ориентация того или иного племени обусловлена личными симпатиями его главы, а не реальными обстоятельствами. Основная доминанта курдского самосознания – племенная самоидентификация: курд прежде всего осознает себя членом своего клана, племени, защитника его интересов и слугой его главы.

Несмотря на некоторое распространение земледелия (преимущественно в южных районах проживания), превалирующей формой экономической деятельности курдов остается кочевое или отгонное скотоводство. *Шыванти-меранти* ("Пастушество – героизм") – гласит курдская пословица.

Абсолютное большинство курдов исповедует шафиитский толк (*мазхаб*) суннитского ислама, в отличие от арабов и турок, являющихся последователями ханафитского толка того же направления. Различия между ними сводится лишь ко внешним элементам, относящимся в основном к религиозной обрядности.

В старину широкое распространение среди курдов имели мистические (суфийские) братства – *тарикаты.* Сегодня сохранили свою значимость только *накшбандийский* и *кадирийский* ордены, представленные в курдском регионе Ирака двумя крупными политическими кланами – Барзани и Талабани. Оба – старые шейхские фамилии: барзанийцы – последователи кадирийского направления, клан Талабани – накшбандийского. Противоборство между ними имеет давнюю историю, и многие из сегодняшних противоречий восходят к прошлому, а не являются лишь результатом столкновения сиюминутных политических или экономических интересов. Известный курдский деятель двадцатых годов прошлого столетия шейх Махмуд Барзинджи, который даже провозгласил себя царем курдов, принадлежал к одной из влиятельных фамилий кадирийских шейхов. Его современник Шейх Саид, возглавлявший пер-

вое курдское восстание против Ататюрка, был накшбанди, как и большая часть его военачальников. В целом, предводители фактически всех более или менее значимых курдских бунтов принадлежали к одному из этих тарикатов – начиная с первого курдского антиправительственного восстания в 1880 году в Хаккари, возглавляемого накшбандийским шейхом Убайдуллой Нехри. В последующий после Нехри полувековой период именно религиозная элита выступала движущей политической силой курдского общества.

Шиитская ветвь ислама, являющаяся официальной религией Ирана, распространена среди курдов Керманшахской области, в Ханакинском и Мандалинском районах Ирака и в нынешней Азербайджанской республике. Курды–шииты Ирана никогда не принимали участия в курдском движении.

Арабский географ X века Мас‘уди писал и о курдах-христианах, а итальянский путешественник XIII века Марко Поло упоминал о них в первую очередь как о христианах. Повествуя о курдах (*кордах* – как он их называет) Мосула в северном Ираке, Марко Поло пишет: "Они христиане-несториане и якобиты, но есть между ними и сарацины, Мухаммеду молятся".[60] В новые времена, однако, на конфессиональном полотне курдов никаких следов христианства не обнаруживается. К тому же, весьма возможно, что указания как Мас‘уди, так и Марко Поло относятся не к курдским, а, скорее, к арамейским племенам (т.е. *айсорам*) – якобитам и последователям несторианства, которые по внешним атрибутам вполне могли походить на курдов.

[60] *Книга Марко Поло.* Москва, 1955, с. 58.

Кадирийский *зикр* (“радение”) в одном из курдских селений провинции Керманшах (Kasraian/Arshi, указ.соч.)

В советскоом курдоведении превалировало негласное положение о так сказать “языческом” духе курдов – якобы, в их жизни мусульманство не играло и не играет особой роли. При этом, как правило, ссылались на известную турецкую пословицу: “По сравнению с неверным и курд - мусульманин”. На самом деле, однако, религия имеет глубокие корни в курдской действительности, и духовное сословие всегда занимало значительное место в курдском обществе. Курды породили целую плеяду

выдающихся *улемов*, внесших большой вклад в развитие мусульманского богословия.[61]

Отмеченный выше вскользь тезис о радикальном отличии южно-курдского массива от северного курдского конгломерата основан на учете культурно-языковых параметров, дифференцирующих эти два сообщества. Кроме ряда важных отличий в сфере культуры, духовного склада и этнографических характеристик, язык *курманджей,* т.е. северных курдов (называемый *курманджи*), также в корне отличается от южно-курдских диалектов – *сорани*, хотя исторически они – ответвления одного и того же северозападноиранского диалекта. Носители курманджи и сорани почти не понимают друг друга. Уровень взаимопонимаемости примерно такой же как между носителями восточнославянских языков – русского, украинского и белорусского. Притом, это в случае, когда люди живут в контактной зоне. По существу, мы имеем дело с двумя отдельными этноязыковыми группами.[62] Иранские курды, к тому же, несмотря на постоянные антииранские веяния, исходящие из

---

[61] Данная проблема очень добротно исследована в сравнительно недавней работе нидерландскогоо ученого Мартина ван Бройнессена (см. M. van Bruinessen, "The Kurds and Islam", *Islamic Area Studies - Working Paper Series,* N 13, Tokyo, 1999).

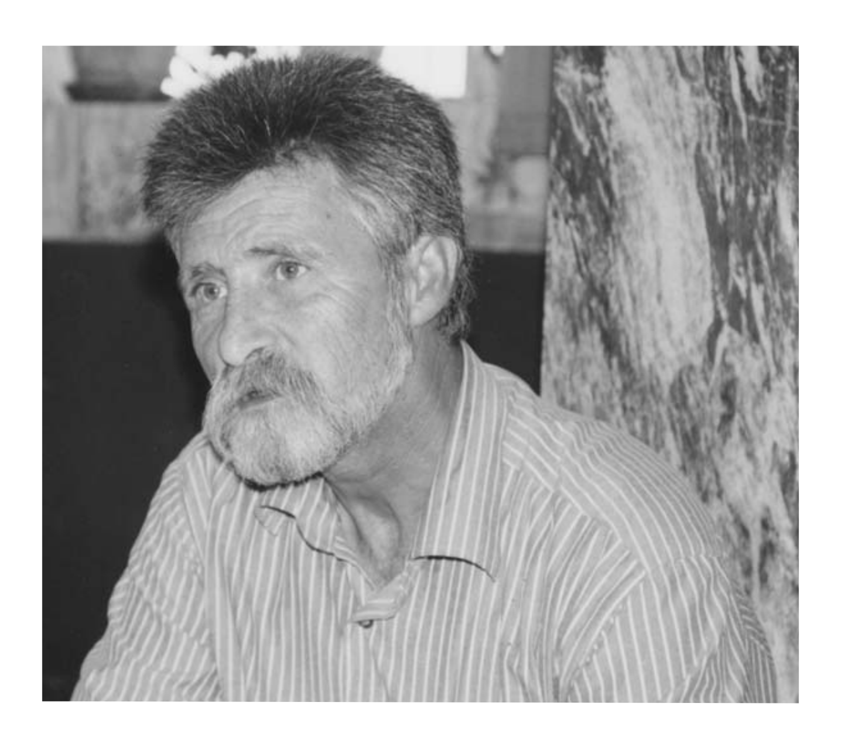
[62] Сошлюсь на свой личный опыт. В начале 1980-х во время научной командировки в Копенгагенский университет представители курдской общины датской столицы пригласили меня выступить с лекцией о курдах в Центре курдской культуры. Я начал свою речь на курманджи, подумав, что северные курды составляют большинство и, следовательно, их язык должен быть как-то освоен – хотя бы в пределах понимания – меньшинством, говорящим на южно-курдских наречиях. Однако, после двух-трех фраз меня прервали возгласы негодования и громкие протесты присутствующих в зале иранских курдов. Они просили говорить на южно-курдском. Поскольку у меня не было навыков устной речи на сорани, я предложил найти знатока курманджи из присутствующих иранских курдов, кто мог бы синхронно переводить мою речь. Такого человека не нашлось. Английский тоже был "забракован" – немногие в аудитории владели этим языком. Было, наконец, решено, чтобы я говорил на персидском, а один иранский курд, долго проживший в Дании, переводил бы на датский, также, впрочем, не особо основательно освоенный переселенцами, но, тем не менее, все же более предпочтительный, чем курманджи для южных курдов или сорани – для северных.

курдской среды Ирака, как правило, сохраняют лояльность к Ирану как к родственному государственному образованию. Они довольно тесно интегрированы в общественно-политическую и социальную жизни страны – пожалуй, больше, чем любая другая курдская группа в странах пребывания.

3. Курдский ареал (регион) Ирана – понятие довольно условное, ибо живущий здесь народ отнюдь не однороден. Многим кажется, что если он называется курдским, то и население – сплошь курды. Между тем, например, к северу от магистрали Керманшах–Касрэ-ширин–Багдад, в горах Кух-э-шахан–Далаху, вплоть до реки Сирван (Диала), проживают малоизвестные, но не малочисленные, иранские племена с самобытным этноконфессиональным обликом и групповой идентичностью. В западной литературе они фигурируют под общим названием *гуран/горан* (*gūrān/gōrān*), хотя, по сути, это наименование обозначает лишь одну из наиболее крупных ветвей гуранского племенного континуума.

Гуранские племена провинции Керманшах в сопредельных с Ираком районах проживают часто островками, окруженными курдами. Главные гуранонаселенные области этого региона – Гахвара, в 60 км. к западу от Керманшаха на равнине Зимкан, Пава и Навсуда, входящие в район Авроман-и-лахун, а также Керенд, Авроман-и-тахт, Хаджидж и т.д.[63] Одно из ответвлений гуран – баджаланы – проживает в Ираке: часть – к северу от Ханакина, другая – в Шабаке, на левом берегу Тигра, у Мосула. По преданию, распространенному среди баджаланов, часть их племени оставила район Мосула в XVIII веке и переселилась в Луристан (Пишкух), где влилась в состав лаков (смешанная курдо-лурская группа). Тем не менее, баджаланы сегодня живут и в Иране – в Зохабе и в северном Луристане. Баджаланы Ирана делятся на два главных племени – *джомур* и *казанлу*; они сунниты шафиитского толка.

[63] См. с указанием литературы: Г. Асатрян "Гураны", - в кн.: Г. Асатрян, *Этюды по иранской этнологии*, 1998, Ереван, сс. 81-113; он же, "Qoum-e gūrān", *Īrānšenāxt,* vol. 1, Tehran, 1994, pp. 31-63.

Гуран из Керенда – конфедерация *гуран-и-керенди*
(фото В. Аракеловой)

Другую ветвь гуран составляет маленькая группа *кандула,* которая обоснована в группе близлежащих деревень под общим названием Кандула (Кандул), на магистрали Санандадж – Керманшах, у правых истоков реки Баньян. Кандула состоит из трех отдельных населенных пунктов, главный из которых называется Кандула, два других – Париан и Шарафабад. Кандула окружена селами Базарлу, Таразубаран и др., население которых составляют курды племени *зангана*, имеющие цыганское происхождение.

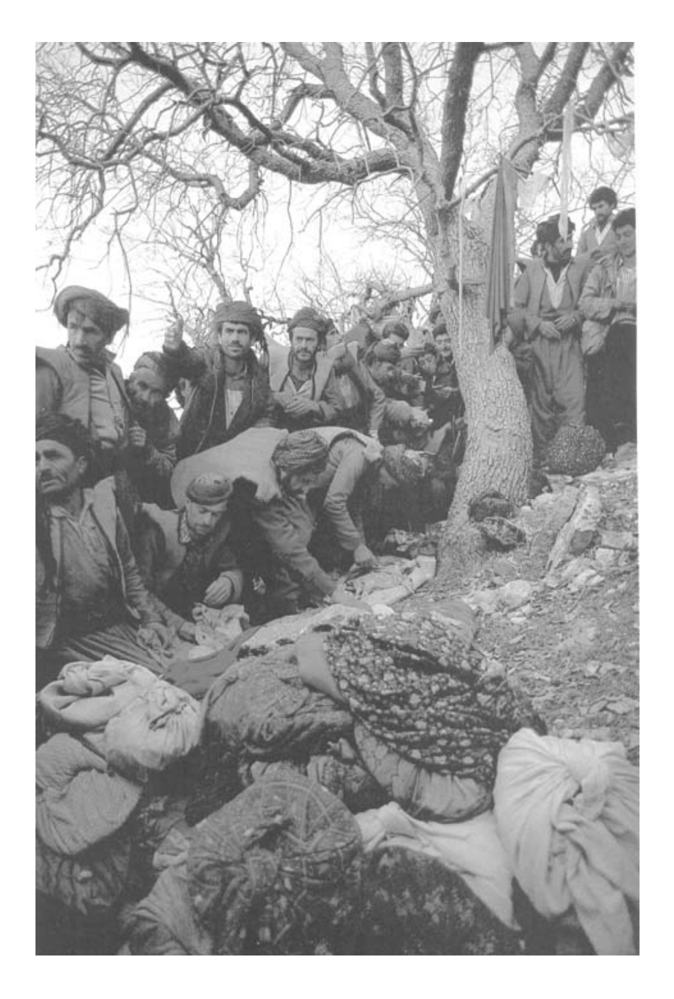
Гураны делятся на четыре группы: племенное объединение гуран, большое племя *авроман* (*авраман* или *хавраман*), племенная группа *баджалан* и *кандулайцы.* Гуранское племенное объединение состоит из двух отдельных племенных групп или конфедераций, которые называ-

ются *гуран-и-сийах* ("черные гураны") и *гуран-и-сафид* ("белые гураны"). В настоящее время они больше известны как, соответственно, *гуран-и-калъэ-занджири* (далее - *занджири*) и *гуран-и-керенди*. В группу занджири входят следующие племена: *калхани* (*испари*) с центром в Калъэ-занджире, *калхани* (Бахрами) с центром в Бид-и-нахре, *туфангчи* (*даньяли*) с центрами в Тахтгахе и Малекабуде и, наконец, *гахвара* с центром в Гахвара. Результатом интенсивных гурано-курдских связей явилась взаимная ассимиляция. Засвидетельствованы случаи, когда курды, переселившись в гуранские районы, интегрировались в племенной системе гуран, принимали их этноним, иногда даже перенимали язык, но сохраняли религию и прежнюю самоидентификацию. Примером тому может служить входящая в конфедерацию *занджири* племенная группа *джаф-гуран,* которая состоит из четырех племен – *найрижи* (*нирижи*), *кадер-мирвейси* (*морид-вейси*), *бивиани* (*бибьяни*) и *тайшайи* (*тайши*). Эти четыре племени, принадлежавшие в прошлом южно-курдской конфедерации *джаф* (отсюда их наименование – *джаф-гуран*), считаются курдами, но говорят на диалекте гурани и по вероисповеданию – сунниты шафиитского толка. Племя *тайшайи,* как указывается в литературе, в прошлом было христианским и переселилось из Армении. Автор конца XIX века Мирза Шокр-оллах Санандаджи в своем известном сочинении "Тохме-йе-насери" пишет о *тайшайи*: "Говорят, что они были христиане, из курдов Армении, пришли в Курдистан и поселились в Шахрезуре, Сулейманийе и Керманшахе. Ныне они в составе 50 семейств проживают в Джаванруде".[64]

Отделение племенного союза *джаф-гуран* от курдской конфедерации *джаф* произошло, по-видимому, не позже середины XIX века. Что касается происхождения *тайшайи* из христиан, то достоверных сведений пока что у нас нет; для этого необходимо детальное исследование племени *in situ.* А впрочем, легенда о христианстве тайшаи, вероятнее

[64] См. M. Š. Sanandaǰī, *Tohfe-ye Nāṣerī dar tārīx va ǰoγrāfyā-ye Kordestān,* Tehran, 1366/1987, p. 460.

всего, навеяна лишь их переселением из Армении: на самом деле, курдов-христиан, как я говорил уже, никогда не было.

Посещение гуранами могилы (*мазар*) святого *Пир-и-сийав*
(Kasraian/Arshi, указ. соч.)

В конфедерацию *гуран-и-керенди* (*гуран-и-сафид*) входят десять мелких племен, большая часть которых – *калхоры,* говорящие на курдско-лурских смешанных диалектах. Исключением является, пожалуй, лишь известное племя *джалалванд*, состоящее только из гуран. Тем не

менее, *хаврами* (авромани) среди гуранских диалектов является сакральным языком для всех племен *гуран-керенди* и вообще наддиалектным языком общения.

Французский иранист Жак де Морган еще в начале XX века писал об авроманцах: "Маленькая область под названием Авроман находится в Загросских горах и со всех сторон окружена курдскими племенами. Жители этой области имеют дикий облик, а их язык – один из хорошо сохранившихся диалектов Персии".[65] И в самом деле, как показывают данные исторической лингвистики, язык жителей Авромана принадлежит к числу архаичных не только среди гуранских диалектов, но и иранской языковой группы вообще.

Авроманка из Авроман-и-тахта (фото В. Аракеловой)

Основной ареал расселения авроманцев – область Авромана – район Авроман-и-лахун, который находится в провинции Керманшах и

[65] Morgan J., *Mission scientifique en Perse*, t.5, 1, Paris, 1904, p. 3.

делится на две части: северный с центром в Навсуда, и южный с центром в Пава, а также Авроман-и-тахт и т.д.[66]

Число гуран (говорящих на гуранских диалектах), по приблизительным данным, в настоящее время достигает 500.000 человек.

В исторических анналах гураны, по-видимому, впервые упоминаются (как *ал-к/гуранийа*) в книге "Масалик ал-абсар" египетского историка XIV века Шихаб-аддина ал-Умари, который описывает их как сильный и воинственный народ, состоящий из воинов и крестьян (*ǰund wa ra'īya*). Как лингвистические, так и исторические факты указывают на то, что гураны переселились в места своего нынешнего обитания в конце первого – начале второго тысячелетия н. э. с южного побережья Каспийского моря – района, который по словам Вл. Минорского "с древнейших времен был неиссякаемым источником изливающейся на запад людской энергии". Южнокаспийские провинции Ирана Вл. Минорский сравнивал со Скандинавией времен викингов. Именно эти области, как я упоминал выше, являются также этнической территорией проживающего ныне в восточной Турции народа заза (дымли). Вполне закономерно, с этой точки зрения, что язык гуран (гурани) органично вписывается в реконструированном нами прикаспийско-атурпатаканском иранском языковом союзе (Sprachbund).

Сегодня, конечно, трудно сказать, имеют ли гураны отношение к племенам γουράνιοι, засвидетельствованным у Страбона и жившим, согласно этому автору, "по соседству с мидянами, по ту сторону от Армении". Однако, можно быть уверенным, что гураны Страбона – одна из иранизировавшихся автохтонных этнических групп каспийского региона. Не исключено, что этноним данного народа, как субстратный элемент, мог перейти к его ираноязычным потомкам или к появившейся позже на этих территориях какой-нибудь другой иранской народ-

[66] Аспирант Кафедры иранистики ЕГУ Ардашир Золфакари, уроженец Авромана, провел недавно детальное исследование этнодемографии края (см. A. Zolfaqari, "The Avromani-speaking Area in Iran", *Iran and the Caucasus,* vol. 14.2 (2010), pp. 323-329).

ности. Таким же образом объясняется происхождение этнонима *курд* от основы **kurti,* которая восходит к наименованию разбойничего народа

Старики авроманы в деревне Хаджидж (Kasraian/Arshi, указ. соч.)

kyrtii (κύρτιοι), с древнейших времен населявшего провинцию Корчайк исторической Армении: это название, по всей видимости, перешло к племенам, говорившим на протокурдских диалектах и появившимся на указанной территории позднее (см. выше, примечания 6 и 8).

Термин *гуран* (*горан*) употребляется в нескольких значениях: "земледелец, крестьянин, оседлый", а также "разбойник" – прозвище, данное курдам мукри. А сами мукринцы называют *горанами* сектантов *ахл-и-хакк* (букв. "Люди Истины" - см. ниже) и безземельных крестьян. Среди курдов Шахрезура название *гуран* – синоним терминов *мискен* "бедный" и *райат* "безземельный крестьянин"; оно обозначает курдоязычное неаширетское население, занимающееся сельским хозяйством.

Кстати, самоназвание северных курдов – *курмандж(и)* – также некогда имело значение "бедный, нищий, слуга" (ср. курдскую присказку – обращение молодого человека к возлюбленной: *Az na muh't'āǰē mālā tama,/ Az na kurmānǰē bāvē tama* – "Я не нуждаюсь в твоем богатстве,/ Я – не слуга (букв. "курмандж") твоего отца").

Интересно, что гураны издревле были известны как очень воинственный народ, что, на первый взгляд, делает труднообъяснимым пренебрежительное значение, вкладываемое соседями в обозначение *гуран*. Это противоречие пытался объяснить Вл. Минорский, считавший, что мы тут имеем две омонимичные, но разные по происхождению формы. Первое – *гуран* (*горан*) как название конкретного племени восходит к основе **gāvbārakān* "всадники на буйволах", и второе – как социальное определение (безземельный крестьянин, бедный и т.д.), происходит от *gabrān*, множественной формы слова *gabr* "зороастриец, неверующий".[67] Хотя толкование Вл. Минорским варианта племенного названия кажется в целом правдоподобным, тем не менее, контаминация двух разных по происхождению форм кажется здесь маловероятной. Прежде всего потому, что в регионе не обнаружено следов зороастрийского присутствия в обозримой ретроспекции. Я полагаю, социальное осмысление термина *gōrān*, скорее, результат вторичного развития, когда гуранские племена перешли к оседлому образу жизни и стали заниматься преимущественно сельским хозяйством.

Слово *гуран* очень часто употребляется как наименование секты *ахл-и-хакк* и ее последователей, даже если они – представители других групп (курдов, луров, тюркоязычных азарийцев). Часто понятие "гуран" и последователь *ахл-и-хакк* выступают как синонимы.

В северо-западных провинциях Ирана (в Атурпатакане) среди ираноязычного населения и тюркофонов слово *гуран* (*гйоран*) приобрело и значение "песня". Отсюда оно проникло и в армянскую традицию как название особого песенного жанра. Возможно, обозначение еще одного вида ритуальной песни, *hūra* (*hūra*), очень распространенного среди

[67] V. Minorsky, "The Guran", *BSOAS*, XI/1, 1943, pp. 75-103.

южных курдов, в том числе калхоров и даже лаков, тоже пришло от гуран. Оно восходит к *hawrāmī,* прилагательной форме от Авроман.[68] Дело в том, что ритуальные песнопения крайних шиитов традиционно слагались на гуранских диалектах и главным образом на авромани (см. ниже).

В прошлом гураны, особенно авроманы, были известны у курдов как *kulāw/f-spī* "(носящие) белые шапки", что было связано с особенностями национальной одежды. Подобно кавказским горцам, они надевают на одежду накидку из сукна с широкими плечами (*япунджи*) и носят на голове скифскую шапку с острым верхом и наушниками, напоминающую буденовку, которую в последние десятилетия постепенно вытесняет курдский *колоз*.

Курды называют гуран также *мачу-мачу* или *мачо-мачо,* которое восходит к гуранскому *māčō/ū* ("я говорю").
Историк конца XVI века Шараф-хан Бидлиси делит курдов на четыре группы – курмандж, лур, калхор, гуран. Однако, как верно отмечал Вл. Минорский, "Лишь курманджи и, возможно, калхоры могут считаться курдами: луры, а также гураны как по языковым, так и по этнографическим параметрам, совершенно отличные от курдов этнические единицы". Утверждение Шараф-хана обусловлено, скорее, неопределенностью этнической атрибуции термина *курд* в средние века: как отмечалось в начале этого повествования, он имел четко выраженный социальный оттенок со значениями "скотовод, кочевник".[69] Уже в наши дни Мартин ван Бройнессен записал следующее толкование терминов *курд* и *гуран* у одного старика-курда в Далаху: "Курд, - говорил старик, -

---

[68] См. G. Asatrian, apud: M. Khanian-Sumari, "A Hūra-song in Kalhori", *Iran and the Caucasus,* vol. 13.2 (2009), p. 332, fn. 4.

[69] См. также Minorsky, там же, с. 75; G. S. Asatrian, N. Kh. Gevorgian, "Zaza Miscellany: Notes on some Religious Customs and Institutions", *Green Leaf: Papers in Honour of Prof. J.P. Asmussen (Acta Iranica - 28),* Leiden, 1988, p. 500; также Г. Асатрян, "Постулаты курдоведения". – в кн.: он же, *Этюды по иранской этнологии*, с. 67, постулат N 3.

живет в шатре и есть кочевник-скотовод, а гуран – оседлый и живет в деревне”.[70]

Старик гуран из Керенда с дочерью автора (фото автора)

[70] M. van Bruinessen, *Agha, Shaikh and State: The Social and Political Structures of Kurdistan*, London, 1992, p. 111.

В любительских и политически ангажированных кругах гураны (как и луры и бахтияры) считаются курдским племенем, что, безусловно, политически мотивировано, но, тем не менее, имеет некоторые исторические предпосылки. Дело в том, что, начиная с XIV века, среди курдов, говорящих на центральных и южных диалектах (главным образом в северо-западном Иране и в сопредельных районах Ирака), большую популярность приобрела поэзия на гурани и литература на нем (на диалекте авромани), имеющая в основном религиозное содержание. Гурани, фактически, стал сакральным языком последователей секты *ахл-и-хакк*, что, естественно, способствовало быстрому его распространению как среди курдов и луров, так и тюркоязычных атурпатаканцев (азарийцев). Гурани выполнял даже функции придворного языка Ардаланских валиев (курдское княжество в Ардаланском районе Ирана).[71] Многие курдские писатели, такие как Мела Мистафае Бесарани (1641-1702 гг.), Ханае Кубади (1700-1759 гг.), Мавлави Тавгози (1806-1882 гг.) и Вали Девана писали только на гурани. Диалект гурани, судя по всему, несколько столетий был основным средством общения населения южнокурдского ареала.

Основу социального бытия гуран составляет племя – *тайфа* (или *кабилэ*), включающее, в свою очередь, три более мелких единицы: *тирэ* "клан", *дудман* "большая семья" и *ханвар* "семья". Племя у гуран, как и у всех иранских групп, ведущих традиционный образ жизни, строится на базе реального или предполагаемого кровного родства и часто выступает как коллективная общность потомков единого эпонима-предка. Вождь гуранского племени называется *султан* (*салатин-е гуран* "гуранские вожди") – уникальное обозначение, нигде больше не встречающееся в Иране. А главу конфедерации племён (*ил*) называют *хан,* что отмечается и у лаков, калхоров и других племенных групп Ирана. Однако, этот титул чужд курдской среде: у курдов предводители племён или конфедераций именуются *бег, ага* или *шейх.* Главы гуранских

[71] См. обобщающую работу об Ардаланском княжестве: Sh. Ardalan, *Les kurdes Ardalân entre la Perse et l'Empire ottoman,* Paris, 2004.

кланов обозначаются термином *кадхуда* (или *наиб*), а больших семей – *риш-сефид* (букв. "аксакал, седобородый").

Нужно отметить, однако, что племенной строй гуранского общества в наши дни уже не имеет той четко регламентированной картины, которая существовала раньше, тем более, что часть народа уже живет вне пределов традиционных общественных структур – в городах, поселках городского типа и т.д. Впрочем, племенная система в традиционных сообществах Ирана проявляется в настоящее время только в горных районах и в среде групп, занимающихся больше отгонным скотоводством. Но и здесь родоплеменная иерархия во многом прослеживается лишь в рамках, основанных на обычном праве отдельных реликтовых институтов. С этой точки зрения наиболее консервативными в Иране являются, пожалуй, луроязычные группы (луры, бахтияры, мамасани), племена Фарса, курды, белуджи, кашкайцы, галеши (в Гиляне) и, конечно, туркмены.

Среди гуран большим авторитетом пользуются духовные лица – сеиды "религии Истины". Матримониальные отношения между семьями сеидов и мирян строго запрещены. Смешанные браки с иноверцами, как и вообще с представителями иных сообществ также находятся под строгим запретом. Но заключать браки с единоверцами, независимо от их групповой принадлежности (с курдами и азарийцами – последователями *ахл-и-хакк*), не воспрещается. К христианам у сектантов в высшей степени доверительное отношение, но у гуран брак с христианами, как и с мусульманами, не допускается. В отличие от них, азарийские (тюркоязычные) *ахл-и-хакк* охотно выдают дочерей за христиан. В крайнешиитской деревне Илыхчи (в местном произношении - *Ылыхцы*), недалеко от Табриза, которая славится производством особого сорта отменного красного лука (в центре деревни стоит неказистый памятник этому полезному растению), местный сеид долго говорил мне о любви сектантов к христианам и армянам в особенности. При этом, в подтверждение

Памятник луку в деревне Илыхчи (фото В. Аракеловой)

своим словам, упоминал случаи (с конкретными именами), когда местные девицы выходили замуж за армян.

Хотя у сектантов есть собственные культовые помещения, в Илыхчи, как и почти во всех крайнешиитских поселениях, в последние десятилетия построены мечети, что указывает на попытки прозелитизма со стороны властей и настороженного, если не враждебного, отношения к ним шиитского духовенства.

Основой религиозного учения *ахл-и-хакк* (иначе называемых также *али-иллахи* - “обожествляющие Али”) является вера в первого шиитского имама Али ибн-Абиталиба как в божественную эманацию (*мазхар, таджалли*). Такое крайнее отношение к Али, т.е. фактически его обожествление, в догматическом шиизме рассматривается как ересь. Правда, основатель Исламской республики, Имам Хомейни, выказывал определенную благосклонность к “Людям Истины”, и при его жизни сектанты чувствовали себя более уютно. В начале 1980-х, например, при посещении религиозного центра *ахл-и-хакк* (*ханака*) в Керманшахе он, обращаясь к сектантам, изрек: “Если вы считаете Али воплощением Истины (*хакк*), то все мы – *ахл-и-хакк* (Люди Истины)”. Это изречение Имама стало крылатым выражением, до сих пор украшающим все религиозные помещения “Людей Истины” наряду с изображениями самого Али, держащего на коленях свой знаменитый раздвоенный меч, Зульфигар.

В религиозной догматике “Людей Истины” в Иране ныне царят два главных течения. Первое, как бы официальное, основано на том, что данное направление крайнего шиизма и шиизм двенадцати имамов (*исна-ашари*) на самом деле – одно и то же, и что существующие различия очень незначительны. Основателем этой линии является известный духовный глава общины покойный Нур-Али-Шах Елахи.[72] Его сын, доктор Бахрам Елахи, профессор Тегеранского университета, ныне выступает протагонистом идей отца. Последователи второго течения (а их несравненно больше) все это отрицают и, более того, уверены, что *ахл-и-хакк* – вовсе не мусульманская секта, а отдельная религия. (Кстати, эта черта свойственна многим недогматическим и в особенности крайнешиитским течениям ислама.) Сторонники традиционного направления, разумеется, обвиняют Нур-Али-Шаха и его последователей в конформизме.

[72] Нур-Али-Шах Елахи - автор многих фундаментальных работ по религии *ахл-и-хакк*, в том числе *Бурхан ул-хакк, Шахнаме-йе ханикат* и т.д. (см. Nûr Alî-Shâh Elâhî, *L'ésotérisme kurde*, Traduction, introduction, commentaire et notes par Mohammad Mokri, Paris, 1966).

Как бы то ни было, ясно, что гураны – крупная и своего рода уникальная этнографическая группа. Однако, как это ни странно, мало кто в Иране о них знает.[73] Даже в информированной среде, в том числе официальной, гураны считаются частью курдов[74] – та же ситуация, что и в околонаучной среде на Западе и у политически настроенных курдских авторов, постоянно вводящих в орбиту псевдоакадемической курдологии разные иранские группы (наряду с гуранами – луров, лаков, заза и проч.), на самом деле не имеющие курдской аффилиации.

[73] Достаточно сказать, что единственной в Иране публикацией, рассматривающей гуран как отдельную этнографическую единицу, до сих пор остается очерк автора этих строк "Qoum-e gūrān", вышедший в 1994г. (см. выше, прим. 63).

[74] Несколько лет назад во время экспедиции в регион я расспрашивал жителей Авроман-и-тахта, кем они себя считают. Ответ был один: "Вообще-то мы авроманы; курды даже язык наш не понимают". А один старик, кивнув в сторону стоящего поодаль моего иранского коллеги из Тегеранского университета, заметил: "Это они говорят, что мы курды...".

VII. Хузистан и арабы

1. В числе “проблемных” регионов современного Ирана обычно называют и юго-западную провинцию Хузистан, в которой сконцентрирована большая часть арабоязычного населения страны – от Арванд-руда (Шатт-ель-араб) и Персидского залива на юге до городов Шуштар и Шуш на севере, граничащих с бахтиярской территорией. В период правления Каджаров эта область именовалась *Арабистан*, хотя арабы здесь почти всегда составляли меньшинство, проживающее компактно в основном в сельских районах. В урбанистических центрах – будь то в городах или поселениях городского типа – арабы всегда жили смешанно с персоязычными и луроязычными обитателями провинции.

В древности в Хузисатане жили иранизированные эламцы. Провинция в Ахеменидских надписях упоминается как *Ū(v)ǰa-*, т.е. “Элам”, *ūvǰiya-* “эламец, эламит, житель Элама”. Название главного города Хузистана, Ахваз, также восходит к указанной форме, это – арабское множественное число от среднеперсидского *hūz* (также *xūz,* в армянской передаче – *xuž*). И в Сасанидское время край назывался Хузистан (*Hūzistān*), что значит “место обитания хузов”.[75]

В геостратегическом и экономическом планах Хузистан выступает как одна из наиболее важных провинций Ирана. Здесь сосредоточено более 80% всех запасов иранской нефти.

Согласно переписи 2006 г., общее число населения Хузистана – 4.275.000 человек, из которых, по разным оценкам, от полумиллиона до полутора миллионов составляют граждане, считающие арабский своим родным языком, а персидский – вторым. Наиболее реальную цифру

---

[75] Об исторической географии и административном делении Ирана Сасанидского периода см. замечательную работу Рики Жиселен: Rika Gyselen, *Nouveaux matériaux pour la geographie historique de l’empire Sassanide: Sceaux administratifs de la collection Ahmad Saeedi,* Paris, 2002.

арабязычного населения ареала можно определить в пределах одного миллиона.

Как и все хузистанцы, арабы также шииты. Сунниты только представители немногочисленной арабоязычной группы, населяющей прибрежные районы Персидского залива в провинции Хормозган. Около 20.000 арабов живут и в Бушире. Последние – шиитские эмигранты из Саудовской Аравии, нашедшие убежище в Иране в конце 40-х годов прошлого столетия.

Арабская женщина – шиитка-эмигрантка из Саудовской Аравии в Бушире
(фото В. Аракеловой)

Что касается полсотни тысяч арабов, живущих в Хорасане и в Семнане, то их вряд ли следует инкорпорировать в общее число арабского населения Ирана, поскольку они уже давно персоязычны или говорят на семнанских диалектах. Тем не менее, это – группа, более близкая к

семитскому типу Аравийского полуострова, чем так называемые хузистанские арабы, которые, как уже говорилось в начале этого этюда, являются, скорее, арабизированными потомками древнего населения юго-восточного Ирана и внешне ничем не отличаются от представителей лурских групп (луров, бахтияров и т.д.). Дело в том, что арабы Хорасана и Семнана, а также Азербайджана, Курдистана, Систана, Исфахана и т.д., следы которых ныне остались только в топонимии и названиях кланов и семей, принадлежали к первой волне продвигающегося на восток исламского войска. А Хузистан и, в некоторой степени, сопредельный Ирак с оседлым населением, аристократией и традиционной системой землевладения были и остались ареной интенсивного этнокультурного обмена, свойственного пограничным зонам, где арабского, по существу, было мало. Персидский язык и иранская культура всегда доминировали в этом пространстве.

С арабами не следует смешивать и мандейцев (около 20.000), живущих вдоль реки Карун в Хузистане и говорящих на восточноарамейском диалекте. Они – последователи особой гностической секты с собственной этноконфессиональной идентичностью.[76]

Хотя арабский элемент в Хузистане прослеживается еще со времен Сасанидов и даже раньше, тем не менее, иранская историческая атрибуция провинции не подлежит сомнению. Это был край наибольшей концентрации юго-западноиранской ("персидской") этноязыковой стихии, что до сих пор видно как в демографической панораме региона, так и в дошедших до нас исторических памятниках. Поэтому и применение названия "Арабистан" по отношению к Хузистану, встречающееся в антииранских публикациях, равно как и утверждение о том, что в этой провинции арабы составляют большинство, не имеют под собой ни исторической, ни фактической базы.

[76] О мандейцах и их религии с обширной библиографией см.: M. Arabestani, "Ritual Purity and the Mandaeans' Identity", *Iran and the Caucasus,* vol. 16.2 (2012), pp. 153-168.

2. Арабы Хузистана двуязычны, т.е. владеют в равной мере арабским и персидским. Причем, арабский, как правило, не выходит за рамки разговорного языка. За исключением тех, кто получил университетское образование по профилю "арабский язык и литература" или закончил религиозную семинарию, мало кто может похвастаться познаниями в арабской словесности, хотя грамотой обладают все и могут читать и понимать релевантные для мусульманской ортопраксии части Корана.

Беглое владение арабским – основным языком ислама, довольно энергично промотируемым властями, – дает ощутимое преимущество данной категории иранских граждан, которые широко вовлекаются в общественно-политические и государственные структуры, имеющие связи с арабским миром. Однако, то же обстоятельство часто становится объектом спекуляций на местах в моменты внутриполитических обострений.

Не считая обычных для племенных образований Ирана (бахтияров, луров, кашкайцев и других) частых волнений и выступлений против центрального правительства в рамках общих процессов политического неповиновения, особых случаев нелояльности к иранскому государству – тем более с "национальной" окраской – среди арабоязычных жителей Хузистана и сопредельных районов до середины прошлого века отмечено не было.

Рост арабского национализма на Ближнем Востоке, а также британское присутствие в регионе Персидского залива, целенаправленно влияющего на формирование локальных – даже племенных – идентичностей,[77] идеи арабского единства с конца XIX-начала XX века начинают

---

[77] Показательно в этом смысле опубликованное мною несколько лет назад подробное тайное донесение "Агента Его Британского Величества, вице-консула в Арабистане" капитана Дэвида Лоримера, адресованное в МИД Королевства и датированное 23 марта–9 мая 1908 года. Хотя документ и не касается непосредственно арабов, но из него видно, как британцы скрупулезно изучали этнодемографическую ситуацию на юго-западе Ирана и последовательно работали над формированием племенного фактора как средства политического воздействия в этой стратегически важной части страны (см. G. Asatrian, F.

постепенно проникать в интеллектуальные круги арабоязычного конгломерата юго-западных областей Ирана. До этого периода арабы Ирана всегда выступали как часть шиитского – своего рода титульного – религиозного большинства страны, и этнических сентиментов в их среде не наблюдалось.

Первая политическая группировка арабов Хузистана появилась в 1956 году под названием “Фронт освобождения Арабистана”. Далее, вплоть до Исламской Революции в 1979 году, в провинции то и дело возникали эфемерные политические организации, нацеленные, как указывают их названия, на “освобождение Арабистана (т.е. Хузистана) от персидского ига”: “Национальный Конгресс Арабистана”, “Арабское революционное движение за освобождение Ахваза” и т.д.

В настоящее время самовыражение арабов Хузистана проявляется в отдельных случаях отхода от шиизма, как символа иранского ревизионизма “чистого ислама”, и принятия суннизма. Очень активно работают в этом направлении эмиссары “Ал-Каиды” в Хузистане.

Однако, несмотря на то, что под влиянием событий так называемой “арабской весны” некоторые радикальные группировки Хузистана активизировали свою деятельность, возникновение более или менее серьезного сепаратистского течения в этой юго-западной иранской провинции в высшей степени маловероятно.

Показательно, что сотрудничество между иракскими повстанцами и радикальными группировками Ахваза (административного центра Хузистана) заметно усилилось вскоре после американского вторжения в Ирак в 2003 году. В частности, в ходе выступлений 2005 года в Хузистане были проведены совместные террористические акции против иранских административных объектов и сил правопорядка.[78]

Vahman, “The Unpublished Report of His Britannic Majesty’s Agent: The Bakhtiari Tribal”, *Iran and the Caucasus,* vol. 5 (2001), pp. 227-238).

[78] См. Д. Нечитайло, “Иран: Суннитские группировки Хузистана”, *http://iimes.ru/rus/stat/2012/08-01-12b.html* (дата обращения: 17.06.2012).

Накануне президентских выборов в Иране в 2005г. вашингтонской администрацией была организована информационно-пропагандистская деятельность радиостанции “Ахвазия”. Данная радиостанция вещала на Иран через спутник непосредственно с территории США, а целью ее работы был срыв президентских выборов путем призывов к населению Ирана (в основном жителям провинции Хузистан) бойкотировать голосование, выступить против центральных властей. В этот период, по видимому, из Дубая (ОАЭ) на Хузистан вещали четыре американских радиоисточника, в то время как в Интернете еще 12 радиостанций призывали жителей ряда провинций на западе и северо-западе Ирана бойкотировать явку на избирательные участки. В день президентских выборов радиостанция “Ахвазийа” передала выступление президента США Дж. Буша, не скупившегося на оскорбительные высказывания в адрес иранского руководства.[79]

Тем не менее, все попытки искусственного инспирирования сепаратистских настроений в Хузистане вряд ли могут увенчаться успехом – и отнюдь не только из-за незначительности арабоязычного элемента в этом преимущественно ираноязычном ареале. Даже целенаправленные усилия Саддама Хусейна в период ирано-иракской войны по созданию очага напряженности в Хузистане среди арабоязычных обитателей провинции оказались по большому счету тщетны. Так, например, недавнее исследование по проблеме идентичности арабов Ирана и их культурно-исторической аффилиации, основанное на масштабном анонимном социологическом опросе в регионе, наглядно продемонстрировало, что абсолютное большинство арабов Хузистана не мыслит себя вне иранской действительности.[80]

---

[79] См. К. Машкин, “Использование США телерадиовещания для воздействия на политические настроения населения Ирана”, *http://iimes.ru/rus/stat/2007/13-09-07c.html* (дата обращения: 17.06.2012).

[80] См. диссертационную работу аспирантки Кафедры иранистики ЕГУ, уроженки Ахваза Ройа Хафезиан: R. Ḥāfeḍyān, *Hovvīyat-e a‘rāb-e Iran: Moṭāle‘e-ye ǰame‘-šenāsī,* (рукопись); об арабах Ирана см. в целом: M. Siyādat, *Tārīx-e ǰoγrāfyāyī-e a‘rāb-e Xūzestān,* Tehran, 1968; Y. ‘Azīzī Banī-ṭaraf*, Qabāyel va ‘ašāyer-e ‘arab-e Xūzestān,* Tehran, 1993.

Заключение

Даже из конспективного диахронического обзора этнолингвистических и демографических реалий Ирана становится ясно, что многие клише, понятия и термины, ставшие обыденными для сегодняшней этнологии, либо вообще не применимы к этой стране, либо могут употребляться с большими оговорками и уточнениями. Даже денотаты, казалось бы, раз и навсегда установленных этнических названий и понятий в иранском контексте оказываются подчас весьма иллюзорными, как в случае с обозначениями “перс”, “азербайджанец” и “тюрок” или определениями типа “многонациональный”, “большинство”/ “меньшинство” и т.д.

Данные о численной репрезентации тех или иных региональных групп, являющихся потенциальными объектами для всевозможных манипуляций, как было показано на примере “персов” и “азербайджанцев”, также имеют умозрительную природу и обусловлены в первую очередь политическими мотивами.

Как же можно утверждать, например, что “персы” – большинство, если это “большинство” само состоит из “меньшинств”? Каким же образом “азербайджанцы”, курды, сивандцы, семнанцы, гилянцы, мазандаранцы и т.д. могут быть меньшинствами, если они – часть единого большинства?

Понятия “большинство” и “меньшинство”, таким образом, в применении к Ирану приобретают в высшей степени условный характер, ибо они лишены, фактически, смысловой базы. Сивандец, курд, “азербайджанец”, лур, гуран, семнанец и житель Абйане (см. примеч. 81) в своем доме или семье, возможно, и представляет “меньшинство” – в силу локальных особенностей своего бытия, - но как только он оказывается

на улице, в школе или на рабочем месте, он уже – представитель “большинства”. [81]

Все эти понятия и термины испокон века были чужды иранскому пониманию демографической системы в стране. Оперирование ими в последние десятилетия во внутрииранском дискурсе является не результатом глубокого их осмысления, а, скорее, отражением новых поветрий, так сказать, данью моде времени, навеянной извне с вполне определенной целью – профанировать идею о цельности иранского государства как монолитного этнополитического конструкта. Иранский менталитет не воспринимает хитросплетений и манипулирования терминами с подтекстом, в том числе понятиями типа “большинство”/ “меньшинство”, “многонациональный” и т.д. В этом свете как раз и становится понятным “нелогичная”, казалось бы, порою политика властей по отношению к отдельным моментам так называемого

[81] Например, жители большинства сельских общин огромного пространства между городами Кашан, Натанз, Арак и Исфахан, считающегося одним из основных “чисто персидских” регионов в Иране, говорят на собственных архаичных диалектах, восходящих к мидийскому и отличающихся от разговорно-литературного персидского койне даже в большей степени чем южно-курдские диалекты. Так, значит, и они “меньшинство”, если следовать формальному определению – в конце концов, чем они хуже курдов, белуджей или “азербайджанцев”? К тому же, налицо и все прочие атрибуты, так сказать, “этничности”: четкое локальное самосознание, оригинальная культура, легенды, этиологические мифы и предания о возникновении собственной общности и т.д. (ярким примером может быть горная деревня Абйане на полпути из Кашана в Натанз). В рамках своих сообществ (деревень, кварталов и т. д.) значительная часть сохранившего свою самобытность населения указанного ареала, характеризуемого как костяк “персидского большинства” в Иране, при ближайщем рассмотрении оказывается не более, чем “меньшинством” в классическом понимании этого понятия, неким этническим образованием, которое можно было бы назвать, скажем, “центральноиранский конгломерат” или “новомидийская этническая группа”, памятуя о том, что она находится в пределах Большой Мидии. Однако, насколько я знаю, никто до сих пор не оспаривал “персидскость” обитателей этого региона, ибо априори считается, что меньшинства в Иране должны обязательно нести политическую нагрузку. Покуда ни “мидийская группа”, ни сивандцы и семнанцы, ни гилянцы и мазандаранцы, ни габры и т.д. политически не “засвечены”, то они – “персы”, хотя по всем прочим показателям – это классические образцы меньшинств.

“национального вопроса” в Иране. В иной обстановке и при иных традициях государственной политики – для “обесцвечивания”, например, курдского фактора – не преминули бы воспользоваться наличием тех же гуран, как иноязычной массы внутри курдоязычной среды с собственной групповой идентичностью, всячески способствуя ее институциализации. Но в Иране этот вопрос вообще не рассматривается.

Природу иранского восприятия этнодемографии можно определить как пространственно-линейную. Это восприятие основано на незыблемом постулате о преемственности пространственно-временных характеристик иранской государственности, не допускающем разрыва и вкраплений в стройном организме идеи государства. Государство в представлениях иранцев – совокупность территорий, данная Богом, пространство почти сакральное, не подлежащее оспариванию – о расчленении его и речи быть не может.[82] А все его население видится как продолжение непрерывной цепи людских поколений, идущей из глубин

[82] Вот почему потеря территорий севернее Аракса по Туркменчайскому договору 1828 года сегодня, почти два столетия спустя, остается кровоточащей раной в исторической памяти иранцев. Этот договор в Иране именуется не иначе как *mo‘āhede-ye nangīn-e Torkamančāy,* т.е. “позорный Туркменчайский договор”. В этом контексте становится более или менее объяснимым, по какой причине при признании независимости Азербайджанской Республики и установлении дипломатических отношений с этой страной, Иран не потребовал определить официальное название государства дополнением “Бывшая Советская республика”, подобно тому, как Греция потребовала добавления к названию вновь образованной республики Македония определения “Бывшая Югославская республика”. Территория нынешней Азербайджанской Республики (Арран и Ширван) в иранском менталитете считается историческим доменом Ирана. Хотя переименование этого края в “Азербайджан”, как уже отмечалось, в Иране всегда воспринималось как акт агрессивных намерений по отношению к северо-западным провинциям страны (исторически носящим это название), появление после распада СССР нового государства на этом пространстве с тем же названием было, похоже, воспринято как открытие перспективы “исправления исторической несправедливости”. Общее название новообразованной республики и северо-западных провинций Ирана могло бы стать не менее основополагающей причиной для территориальных претензий Ирана к Азербайджанской Республике. Возможно, именно так посчитали в Иране, мирясь с появлением новоявленного независимого государства, носящего название иранской провинции.

веков к настоящему – не важно, кто есть кто, на каком диалекте (языке) говорит и кем он себя считает.[83]

[83] Существование армянских колоний в Иране с самого раннего этапа формирования государственности в этой стране твердо внедрило в сознание среднего иранского обывателя глубокое убеждение в том, что армяне – иранцы, т.е часть иранского народа. Мне лично приходилось неоднократно вести примерно следующий диалог с незнакомыми иранцами (порою даже очень образованными) в самом Иране и за рубежом: "Простите, кто вы?" – "Я – армянин". – "Так, значит, иранец (*īrānī*)". – "Нет, я – армянин из Еревана". – "*Īrānī hastīn dīge!*", т.е. "Чего мудрствовать, иранец и есть!" – С мягким укором заключали мои собеседники. В настаивании на моем армянстве они явно усматривали проявление местнического снобизма. При этом, владение персидским совсем не важно: вы можете владеть им плохо или совсем не говорить на нем, но коль скоро "выяснится", что вы принадлежите к одному из известных "племен (народностей)" (*aqvām, nežādhā*), представленных в иранской демографии, то вы автоматически становитесь иранцем в глазах иранца. И неважно, что ваше "племя" имеет собственное государство, и его этническая территория находится вне пределов Ирана.

СОДЕРЖАНИЕ